

R 14 733
3

Баратовскій

Момикъ

„Безъумныхъ силъ движетъ на востокъ стогны,
И не загораютъ нощи, притомканыя тоской!
Цыкъ облаку и нузы градшій для собрать
Для облаку—доруку, градуцкому судыбы!“

Н. Бараташвили. Думъ (Лезги).

Критико-біографическій очеркъ поэта кн. Н. М. Бараташвили
и избранныя стихотворенія съ портретомъ автора.

Издательство „Хавқазовъдѣткѣ“.

№ 1.

ТИФЛИСЬ.

Являющіеся газетѣ „Панкхисій Край“, Дворцовая, д. Грузинскаго Дворянства.
1905.

Б
1040

899.962.1-3

Б-24
8-24

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ ГРУЗИИ.

Баратовскій

Помикъ

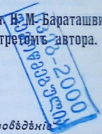
14.733

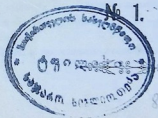
„Возрадить снѣгъ твоихъ не провадетъ заграда,
И не размохнеть путь, протоптанный тобою;
Итъ облегчу и путь градудцій для собрата,
Итъ облегчу—борьбу грядущему съ судьбой!“

И. Бараташвили. *Хавк.* (Леско).

Критико-біографическій очеркъ поэта кн. Н. М. Бараташвили
и избранныя стихотворенія съ портретомъ автора.

Книгоиздательство „Хавказовѣднѣи“

Заясана на инвентарна
№ 2000

82. (3) стр. 0/100 (22x15), 5

ТИФЛИСЪ.

Электроническая газета „Кавказскій Край“. Дворцовая, д. Грузинскаго Дворянства.

1905.

გარათოვსკი

მოქმე

Дозволено цензурою. Тифлиси, 1-го Августа 1905 г.

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის კოლექცია

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის კოლექცია

10000
1905-1906

ОТЪ РЕДАКЦІИ „КАВКАЗСКАГО КРАЯ“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго года исполнится 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ не стало одного изъ лучшихъ поэтовъ Грузіи кн. Николая Мелитоновича Бараташвили.

Помятуя это редакція, „Кавказскаго Края“ считаетъ своевременнымъ осуществить свое завѣтное желаніе начать изданіемъ на русскомъ языкѣ, біографическо-критическихъ очерковъ выдающихся общественныхъ и литературныхъ дѣятелей Грузіи. Первымъ шагомъ въ этой области редакція намѣтила трудъ по изданію біографіи грузинскаго поэта кн. Н. М. Бараташвили.

Съ горделивой радостью принявъ на себя работы по изданію біографическаго очерка Н. Бараташвили, редакція предоставляет вниманію читателя кромѣ того еще и нѣсколько выдающихся стихотвореній геніальнаго грузинскаго поэта въ переводѣ, а также и матеріалы, послужившіе основаніемъ помѣщаемаго ниже труда въ области посильныхъ изслѣдованій, какъ жизненной обстановки поэта, такъ и характера его произведеній.

Изданіе посвящается памяти грузинскаго поэта XII вѣка Шота Руставели, творца поэмы „Барсовая Кожа“, о которомъ преемственно сохраняется въ грузинскомъ народѣ славная и неувядаемая память и произведенія котораго имѣли сильное вліяніе на художественное развитіе поэтическаго дара Бараташвили.

Что касается расходовъ по изданію, то такковыя возмѣщаются изъ аванса въ 500 руб., полученнаго въ распоряженіе нашей редакціи отъ достоуважаемаго и извѣстнаго общественнаго дѣятеля Я. К. Зубалашвили на изданіе біографій грузинскихъ дѣятелей.

Отчетъ по изданію этого томика см. на послѣдней страницѣ.

Борисъ Эсадзе.

Посвящается

памяти

грузинского поэта XII вѣка

Шота Руставели.

Кн. Н. М. Бараташвили.

Къ семействѣ не сохранилось никакого списка поета и портретъ этотъ воспроизведенъ мекорымъ художникомъ г. Момцелидзе, по чертамъ лица сестры покойнаго, которая неузнаваемо напоминаетъ своего брата.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крайне скудный матеріалъ, предоставленный въ наше распоряженіе грузинской печатью относительно біографіи одного изъ ея лучшихъ національныхъ поэтовъ Н. Бараташвили, значительно суживая предѣлы намеченнаго нами первоначально труда по изслѣдованію причинъ и условій, вліявшихъ на направленіе таланта пѣвца Грузіи и обусловливавшихъ дальнѣйшее развитіе и характеръ его поэзіи, — тѣмъ не менѣе позволяетъ намъ сгруппировать тѣ характерныя данныя, знакомство съ которыми поможетъ русскому читателю разобраться въ жизненной обстановкѣ этого выдающагося грузинскаго писателя.

Не ограничиваясь строго-біографическимъ очеркомъ, нашъ трудъ имѣетъ въ виду также и психологию личности Бараташвили, какъ человѣка и какъ поэта. Опытъ этой психологіи, обоснованъ на отдѣльныхъ, болѣе значительныхъ моментахъ духовной жизни Н. Бараташвили, характеръ его произведеній и является первымъ шагомъ въ области понятныхъ стремленій, возможно близко, интимно познакомиться съ творцомъ „Судьбы Грузіи“, „Генія“ и другихъ перловъ грузинской музыки, которыми, по всей справедливости, можетъ гордиться не только она, но и поэзія общечеловѣческая.

Однимъ изъ источниковъ, наиболѣе заслуживающихъ довѣрія мы, между прочимъ, считаемъ воспоминанія сверстника поэта, ген. лейт. К. Х. Мамацева, напечатанныя въ 1881 г. въ грузинской газетѣ „Дрозба“ и изданныя теперь отдѣльной брошюрой.

Кн. Н. М. Бараташвили

(1816—1845).

Н. Бараташвили родился 22-го ноября 1816 г. въ Тифлисъ. Отецъ его князь Мелитонъ, съ дѣтства жившій въ томъ же городѣ и вполнѣ отвѣчавшій требованіямъ современнаго ему воспитанія владѣлъ хорошимъ даромъ слова и былъ достаточно знакомъ съ грузинской литературой. Домъ его служилъ мѣстомъ встрѣчи лучшихъ представителей грузинскаго общества изъ которыхъ священникъ Игнатій Іоселіани, отецъ ученаго писателя Платона Іоселіани, состоявшій при дворѣ послѣднихъ грузинскихъ царей, бывалъ здѣсь почти ежедневно. Здѣсь же зачастую можно было видѣть поэта кн. Алекс. Чавчавадзе, братьевъ Ник. и Мих. Палавандовыхъ, С. Тарханова, Георгія и Ал. Сагиновыхъ (племянники Мелитона) и мн. др. Будучи уважаемъ въ обществѣ, Мелитонъ Бараташвили нѣсколько разъ выбирался въ предводители дворянства Тифлисскаго уѣзда.

Мать поэта -- Евфимія, урожденная княгиня Орбеліани (старшая сестра поэта кн. Григ. Дм. Орбеліани) также была образованной женщиной. Сестры его вышли замужъ, — одна за Рев. Эристова, другая — за ген. Дм. Визирова, третья — за Василя Сумбатова и четвертая — за Баратова.

Николай Бараташвили (по прозванію Тато) по общему отзыву, въ дѣтствѣ былъ очень любознательнымъ и впечатлительнымъ мальчикомъ. Въ 1827 г. онъ по-

ступилъ въ тифлисскій пансіонъ для благородныхъ, въ послѣдствіи въ 1830 г. преобразованный въ гимназію.

Свидѣтельствующій эти воспоминанія ген.-лейт. К. Х. Мамацевъ впервые познакомился съ поэтомъ въ 1828 г и зналъ его, какъ хорошаго ученика, прекраснаго товарища, очень веселаго и рѣзваго мальчика. Черезъ три года однако К. Х. Мамацевъ покидаетъ гимназію и встрѣчается съ Н. Бараташвили лишь въ 1837 г., когда поэтъ находился уже на службѣ столоначальникомъ палаты Гражд. и Угол. Суда, поступивъ сюда по окончаніи гимназіи въ 1835 г.

Общественными развлеченіями, Тифлисъ того времени, былъ чрезвычайно бѣденъ; клубовъ, театровъ не существовало, но посѣщая дома кн. Лев. Из. Меликова и Н. Бараташвили старые товарищи развлекались по своему и далеко не могли пожаловаться на скуку однообразной жизни. Немало помогаль имъ въ этомъ отношеніи кн. Л. Меликовъ, воспитывавшійся въ гимназіи одновременно съ Бараташвили и Мамацевымъ. Семейные обѣды чередовались съ прогулками въ лунную ночь по садамъ, которыми такъ изобиловалъ Тифлисъ. Обычной темой разговоровъ при встрѣчахъ молодыхъ людей служили разныя литературныя и общественныя явленія, близко стоявшія къ нимъ какъ по времени, такъ и направленію. Однажды въ избранномъ кружкѣ Н. Бараташвили возникла мысль о составленіи исторіи Грузіи. Въ числѣ взявшихся за этотъ трудъ находился, между прочимъ, и Пл. Юселани.

Недостатокъ матеріаловъ не позволялъ однако осуществить задуманное и начатой уже работѣ не суждено было получить дальнѣйшаго движенія. Тѣмъ не менѣе поэтъ серьезно интересовался исторіей Грузіи, особенно, XVIII в., и часто вспоминалъ изъ нея разные эпизоды.

Н. Бараташвили началъ писать, какъ и большинство поэтовъ, очень рано. Первые стихотворенія его относятся еще къ гимназическимъ годамъ. Многія изъ нихъ однако были затеряны. Последнее обстоятельство станетъ болѣе понятнымъ, если вспомнить Уварова, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, полицейская опека котораго стремилась вытравить и уничтожить все, что не входило въ выработанную имъ программу средне-учебныхъ заведеній. Литературные опыты юношей въ представленіи педагоговъ Уваровской школы неизбѣжно связывались съ „вольнодумствомъ“ по возможности конфисковались и уничтожались. Вандализма этого, по всей вѣроятности не удалось избѣжать, между прочимъ, и наброскамъ большой поэмы Бараташвили „Иверійцы“, въ которой воспѣвалось процвѣтаніе Грузіи въ X—XII вѣкахъ. Поэма эта, лично извѣстна автору воспоминаній — Мамацеву, между тѣмъ въ собраніи сочиненій поэта ее нельзя теперь встрѣтить.

Болѣе зрѣлымъ произведеніемъ Н. Бараташвили слѣдуетъ признать другую его историческую поэму: „Судьба Грузіи“ которая сохранилась до настоящаго времени и хорошо извѣстна всѣмъ, оцѣнившимъ его талантъ по достоинству.

Въ 1844 г. Н. Бараташвили былъ назначенъ помощникомъ Нахичеванскаго уѣзднаго начальника (уѣздомъ временно управлялъ въ то время кн. Л. И. Меликовъ), но вскорѣ въ 1845 г. его перевели на ту-же должность въ Елисаветполь. Назначеніе это совпадаетъ съ ухудшеніемъ семейныхъ обстоятельствъ Бараташвили въ матеріальномъ отношеніи настолько, что онъ не могъ отказаться отъ предложенной ему должности, несмотря на то, что въ Елисаветполь его совсѣмъ не тянуло. Имѣнія отца-старика были проданы и онъ не

только не могъ оказывать сыну никакой денежной помощи, но и самъ нуждался въ его поддержкѣ.

Усиленная служебная дѣятельность, сопряженная съ постоянными разъѣздами тяжело отразилась на здоровьѣ Н. Бараташвили. лѣтомъ 1845 года онъ заболѣлъ мѣстной злокачественной лихорадкой и 27 октября того же года скончался.

Совершенно забытая, заброшенная могила покойнаго обратила на себя вниманіе кавказской прессы лишь въ 1891 г., когда рѣшено было упразднить то кладбище, гдѣ покоился прахъ поэта. Лишь тогда вспомнили осиротѣвшую могилу и возбудили вопросъ о перенесеніи ея въ Тифлисъ. Найти ее, однако оказалось дѣломъ, чрезвычайно труднымъ. Присяжный повѣренный А. М. Чконія, ѣздившій въ Елисаветполь вмѣстѣ съ родственникомъ поэта, кн. Г. И. Орбелиани, для перенесенія его останковъ въ родной городъ, рассказывалъ о затруднительной обстановкѣ поисковъ. Плита съ надписью была давно снята съ могилы и хранилась въ церкви. Только по могилѣ брата поэта, похороненнаго на томъ же кладбищѣ (въ 1823 г.) удалось добраться до останковъ Н. Бараташвили. Отъ разрушительнаго вліянія времени, уцѣлѣли кромѣ костей лишь мундирныя пуговицы и одинъ сапогъ, при первомъ прикосновеніи къ нему разсыпавшійся въ прахъ.

Семейство покойнаго проживало въ Тифлисъ, на Анчисхатской улицѣ, въ каменномъ домѣ, противъ дома Анчисхатскаго протоіерея Дм. Месхіева.

Въ ранней молодости пылкая натура Бараташвили не осталась чуждой увлеченій военной службой, привлекавшей поэта, присущими ей тревоженіями и приключеніями.

Страстно стремясь къ дѣятельности на военномъ поприщѣ и простившись съ этой мечтой, лишь благо-

даря сломанной еще въ дѣтствѣ ногѣ, поэтъ задумалъ докончить свое образованіе въ университетѣ. Но и эта область желаній не получаетъ удовлетворенія, въ силу неблагопріятно сложившихся матеріальныхъ условій: обѣднѣвшій отецъ не въ состояніи былъ дать талантливому сыну средства на продолженіе образованія.

По свидѣтельству одного изъ современниковъ поэта г. Меунаргія, общая неудовлетворенность Н. Бараташвили, увеличившаяся съ вступленіемъ его на службу въ палату Уголов. и Гражд. Суда, страшно мучила и побуждала поэта искать отвѣта на свои запросы и сомнѣнія въ обществѣ, съ которымъ онъ такъ страстно хотѣлъ слиться и жить одной жизнью. Замѣтимъ, что матеріаль, сообщенный г. Меунаргія, является вполнѣ благонадежнымъ, такъ какъ онъ пользовался главнымъ образомъ архивомъ дяди Н. Бараташвили, также извѣстнаго поэта кн. Гр. Дм. Орбеліани и, кромѣ того мемуарами его школьнаго товарища.

Матеріалы эти можно встрѣтить въ послѣднихъ номерахъ газеты „Иверія“ за 1893 г. Разказы другого товарища поэта по гимназій кн. Мих. Туманова вполнѣ совпадаютъ съ данными, заключающимися въ упомянутой газетѣ. Характеризуя личность Бараташвили какъ свѣтскаго человѣка, г. Меунаргія утверждаетъ, между прочимъ, что, вращаясь въ разнообразныхъ кружкахъ, поэтъ всюду являлся душою общества. Онъ сочинялъ эпиграммы, посвящалъ экспромты, прекрасно игралъ на туземныхъ инструментахъ и острилъ безъ конца Остроты Н. Бараташвили едва не повторили съ нимъ судьбу Лермонтова, доведя до дуэли съ роднымъ дядею Ил. Орбеліани. Дуэль кончилась однако совершенными пустяками: обмѣнъ холостыми выстрѣлами, сопровождавшійся комическими сценами. Такъ-же благополучно разрѣшилось, хотя и болѣе серьезное столкновеніе

поэта съ извѣстнымъ Платономъ Јоселіани, котораго онъ прозвалъ богословомъ, играя словами „богъ-ословъ“.

Чрезвычайная живость характера Н. Бараташвили послужила автору пьесы „Помѣшанная“ (შეშლილი) Эристову поводомъ воплотить подвижного поэта въ одной изъ ролей. Но въ то же время, этотъ весельчакъ, этотъ живчикъ, занимающій своими шутками самое прихотливо-капризное общество, глубоко груститъ, проклиная радости міра и могучимъ ритмомъ своихъ властно звучащихъ стиховъ порой погружаетъ читателя въ безотрадную, мрачную область мысли о ничтожествѣ подлуннаго цѣрства... Основныя черты его поэзіи какъ бы напоминаютъ великолѣпный, божественно-гармоничный но все же погребальный гимнь.

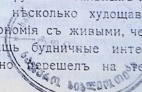
Кипучей, разносторонне богатой натурѣ Бараташвили свойственно было искать выхода не только въ красотѣ слога, ограничиваясь такимъ образомъ сферой художественной литературы, но и въ разныхъ областяхъ человѣческаго знанія и дѣятельности. Вотъ почему, какъ мы уже упоминали, поэтъ принимался за составленіе исторіи Грузіи. Одной изъ главныхъ чертъ характера его было, разъ отдаваясь дѣлу, —отдаться всей душой. Степень увлеченія и продолжительность его обуславливались при этомъ новизной и содержаніемъ объекта приковавшего къ себѣ вниманіе поэта. Темпераментъ Бараташвили, стремленіе его къ общественной дѣятельности являются именно скрытымъ импульсомъ къ тому горячему служебному рвенію, которое онъ обнаружилъ на первыхъ порахъ, состоя чиновникомъ палаты Гражданск. и Уголов. Суда въ Тифлисѣ. Широкой размахъ мысли указалъ однако вскорѣ разочаровавшемуся поэту всю бесплодность подобнаго рода дѣятельности, все несоотвѣтствіе ея съ строемъ мысли и чувствъ человѣка, какимъ былъ самъ

Н. Бараташвили. Такимъ образомъ кромѣ разочарова-
ннй общаго характера, вытекающихъ изъ индивидуаль-
ности Н. Бараташвили, какъ мы видимъ, на сцену
является сознаніе безсилія въ смыслѣ продуктивной,
полезной служебной единицы.

Приведенныя данныя не оставляютъ сомнѣнія въ
томъ что Бараташвили, богато одаренный отъ приро-
ды даромъ слова, поэтическимъ огнемъ и чуткой ко
всякой неправдѣ душою — невыразимо страдалъ, не на-
ходя правильнаго исхода волновавшимъ его стремле-
ніямъ и желаніямъ. И безконечно грустнымъ, звуч-
нымъ эхомъ отдавались стоны его лиры, какъ разда-
ется въ неподвижномъ, оцѣпенѣвшемъ воздухѣ стонъ
наболѣвшей души... Судьба не баловала поэта. Живя
въ мертвомъ, застывшемъ на будничныхъ интересахъ
обществѣ, въ средѣ людей, не понимавшихъ ни его
высокихъ стремленій, ни дара, считаюсь съ невѣже-
ствомъ толпы. Бараташвили какъ бы для полноты кар-
тины несчастья вынужденъ былъ подъ конецъ своей
печальной жизни покинуть горячо любимую родину съ
ужасной перспективой въ глуши татарскихъ провинцій
прозябать въ качествѣ безвѣстнаго титулярнаго со-
вѣтника. Страстную любовь поэта къ родинѣ замѣтно,
между прочимъ, изъ слѣдующаго инцидента, расска-
заннаго въ воспоминаніяхъ современника Бараташви-
ли — Циціанова; однажды, прогуливаясь съ друзьями
по нынѣшнему головинскому проспекту, Бараташвили,
по обыкновенію острилъ и шутилъ. Красиво, пропор-
ционально сложенная фигура его, средняго роста, рѣз-
ко выдѣлялась въ группѣ остальныхъ товарищей, какъ
отдѣлялась и его, нѣсколько худощавая, неотразимо
симпатичная фізіономія съ живыми, черными глазами.
Затрагивавшій лишь будничные интересы общества
разговоръ внезапно перешелъ на тему о прошлой

19733

жизни Грузіи и трагическомъ концѣ ея политической самостоятельности Лицо поэта приняло несбычайно грустное выраженіе; онъ смолкъ, стараясь торопливо и незамѣтно смахнуть набѣжавшія слезы.

Передавъ внѣшніе факты изъ жизни Н. Бараташвили, постараемся охарактеризовать его духовный міръ и прослѣдить степень отраженія этого міра въ произведеніяхъ.

Преобладающая нотка ихъ выясняетъ скорбное вліяніе — глубокий, постоянный пессимизмъ. Но въ то время, какъ русскіе пессимисты, подобно Лермонтову, поселяя свою мизантропію на хребтахъ Кавказа наряжали ее иногда въ байроновскій плащъ Бараташвили, одѣваль гнетущее его разочарованіе по послѣдней, современной ему модѣ. Полное утомленіе жизнью, мрачное убѣжденіе въ бесплодности человѣческихъ усилій, проскальзывающіе въ поэзіи Бараташвили — чужды всякой позировки, всякаго подражанія. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить двѣ особенности ума Н. Бараташвили: онъ аналитикъ и пессимистъ. Этихъ двухъ понятій нельзя отдѣлять, такъ какъ они у него тѣсно сплетены вмѣстѣ. Бараташвили положительно принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые менѣе занимаются внутреннимъ духовнымъ міромъ, находятъ меньше удовольствія въ томъ, чтобъ увидѣть и передать внѣшнюю форму вещей или различныя стороны человѣческой жизни, чѣмъ въ томъ чтобъ разлагать чувства и помыслы на ихъ составные элементы до тѣхъ поръ, пока они не найдутъ непревратимой частицы. Духъ же анализа, несомнѣнно ведетъ къ печальнымъ результатамъ, потому что этотъ послѣдній, непревратимый элементъ сводится почти всегда къ неудовлетворенному желанію. Въ концѣ концовъ, Бараташвили постоянно находитъ на днѣ своихъ наблюденій

несоответствіе между идеаломъ и дѣйствительностью, между нашей мечтой и нашей судьбой. А это, во всякомъ случаѣ грустно. Будучи пессимистомъ, Бараташвили однако отнюдь не былъ человѣкомъ, отстаивавшимъ во что бы то ни стало преобладаніе въ мірѣ зла надъ добромъ. Его нельзя назвать ни мизантропомъ, ни иппохондрикомъ. Вѣдь пессимистомъ можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, который способенъ вдаться въ размышленія относительно судьбы человѣчества и не можетъ разобраться въ нихъ, на находя для пріободренія себя поддержки ни въ вѣрѣ, ни въ увѣренности въ прогрессъ. Все можетъ надоѣсть — кромѣ пониманія, лишь оно, обнажая обширность и многообразіе міра, даетъ намъ, почти въ тотъ же моментъ, чувствовать, такъ сказать инстинктивно подозрѣвать, существованіе законовъ, управляющихъ явленіями этого міра, цѣлесообразность происходящаго въ немъ. Самый тотъ фактъ, что человѣкъ еще мало понимаетъ въ мірозданіи и часто затрудняется въ объясненіи его, если размыслить, достаточно печаленъ. Это однако же не мѣшаетъ многимъ жить, наслаждаться при случаѣ небомъ, чистымъ воздухомъ; но разъ человѣкъ начнетъ вдумываться, — онъ неимѣя положительной вѣры, систематизированныхъ научныхъ знаній уже не можетъ быть оптимистомъ: онъ встрѣчаетъ слишкомъ много бесполезныхъ нелѣпыхъ страданій, окруженный въ то же время толстой стѣной мрака. Недостатокъ этихъ систематическихъ знаній, Бараташвили сознавалъ особенно больно, стремясь настойчиво поступить въ университетъ и еслибъ онъ не былъ поэтомъ, то не подлежить сомнѣнію, что при врожденной склонности мыслить отвлеченно, онъ могъ-бы сдѣлаться создателемъ какой нибудь философской системы. До этого его не допустила только сила его воображенія.

Поэтъ — это выраженіе, несмотря на свою известность и частое употребленіе, въ сущности носить въ себѣ массу оттѣнковъ и почти не поддается опредѣленію. Съ этимъ словомъ случилось то же, что и со всѣми обиходными словами. Къ нему въ концѣ концовъ примѣшалось столько значеній и притомъ столь различныхъ между собою, что оказывается нелегко открыть существенное, основное понятіе, къ которому всѣ остальные относятся лишь какъ листья къ стеблю. Къ тому же поэтическія души бываютъ настолько различны, что весьма трудно подыскать между ними родственныя черты. Пушкинъ — поэтъ и Некрасовъ — поэтъ. Но для перваго поэзія заключается въ роскоши и пурпурѣ, въ блестящей веселой жизни, между тѣмъ какъ второй, обращая свои взоры къ народной жизни, къ ея внутреннему міру, ищетъ эту же самую поэзію въ закоулкахъ совѣсти, чистотѣ скромныхъ желаній, простотѣ и задушевности забитаго, беспомощнаго крестьянства. А между тѣмъ у обоихъ замѣчается та общая черта, что они цѣнятъ красоту одинаковой любви и обладаютъ даромъ выражать эту любовь въ красивыхъ, размѣренныхъ строфахъ. Именно въ этомъ, въ этой способности восторгаться красотой и сказывается печать поэта. Особенность его заключается въ вѣчной юности и вѣчной дѣвственности. Никогда онъ не утрачиваетъ способности вибрировать при соприкосновеніи съ другими людьми и природой, съ восторгомъ или съ страданіемъ. Отсюда рождается этотъ рой образовъ, носящихся въ его воображеніи, ибо, разъ нервная машина пущена въ ходъ, всѣ ощущенія сразу пробуждаются, идеи умножаются.

Чтобъ убѣдиться въ томъ, что Н. Бараташвили въ высшей степени одаренъ этой способностью поэтической души, достаточно взглянуть на восторженность,

какой проникнуты многія изъ его стихотвореній, съ одной стороны, а съ другой—на образы, бьющія ключемъ, естественно и безъ перерыва. Съ какой силою, съ какимъ богатствомъ красокъ описываетъ онъ природу! Въ какой мѣрѣ онъ сохранилъ неприкосновеннымъ въ душѣ пониманіе красотъ ея, причемъ и дѣвственныя горы Кавказа и необъятное безпредѣльное море проходятъ могучими штрихами въ общемъ планѣ его поэмы! Вспомнимъ лишь эллегію: „О Мтацминда! О ты гора святая! (переведено и переложено стихами—Иванъ-да-Марья въ „Новомъ Обозрѣніи“ за 1891 г. № 2691). Душа поэта сказывается также въ преклоненіи предъ женщиной, напоминающемъ, по характеру своему извѣстныя слова несчастнаго Шолли: „Я любилъ Антигону не въ этой жизни“. Прочтите напримѣръ въ переводѣ В. Величко въ упомянутой нами газетѣ за 1890 г. № 2266, слѣдующую строфу:

„Да! понялъ теперь я причину загадочной,
Безмолвной и кроткой печали!
И слезы тѣ были слезами предсмертными,—
Сиротство мое предвѣщали!“

Лица, знавшія Н. Бараташвили въ послѣдніе годы его жизни удрученнымъ тоской и трудами, представляютъ его себѣ въ видѣ побѣжденнаго титана. Въ ранней же молодости поэта, нормальнымъ для него состояніемъ, повидимому, была восторженность — результатъ двойного сознанія своего громаднаго честолюбія и своей непобѣдимой силы. Современные ему поэты встрѣтили въ немъ читателя, стоявшаго въ уровень съ ихъ фантазіей, подобно тому, какъ онъ нашель въ нихъ людей, стоявшихъ въ уровень съ его впечатлительностью. Поэтому вся кипучесть его природы выражалась въ литературной страстности, какъ это часто случается съ богато одаренными личностями въ ранней молодости, когда сильный слогъ замѣняетъ

потребность въ усиленной дѣятельности или же полученіе слишкомъ сильныхъ ощущеній.

Какимъ же образомъ долженъ былъ смотрѣть Бараташвили на дѣйствительный міръ при такомъ настроеніи ума и при такой чувствительности? Въ качествѣ мыслителя, онъ не могъ не заимствовать у этого міра извѣстныхъ идей, а въ качествѣ поэта онъ не могъ, разъ эти идеи вызвали въ умъ его цѣлый рядъ образовъ не испытать въ сердцѣ своемъ извѣстныхъ ощущеній. И дѣйствительно, Бараташвили постоянно какъ-бы выбиралъ между стремленіемъ къ истинѣ — научное свойство ума и стремленіемъ къ красотѣ — первоисточникомъ поэзіи. Эти двѣ особенности помогаютъ намъ понять почему поэзія его, съ перваго взгляда столь объективная, въ сущности находится въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ внутренней жизнью не только его самого, но и всѣхъ тѣхъ кто прошелъ черезъ подобные кризисы. Мы уже говорили что въ ранней молодости Бараташвили задавался научнымъ трудомъ — написать исторію Грузіи, не выполнивъ этого онъ даетъ чудный перлъ поэзіи — „Судьба Грузіи“. Не трудно подмѣтить совершившуюся здѣсь метаморфозу: научныя стремленія замѣнились стремленіемъ къ поэзіи. Но какая разница въ результатѣ! Историкъ отнесся бы къ былому величію Грузіи такъ же, какъ ботаникъ относится къ высушеннымъ цвѣтамъ: ярлыкъ на гербаріи, выцвѣтшая чашечка, высохшій стебель — вотъ во что превратился благоуханный цвѣтокъ... Но подъ волпепнымъ дуновеніемъ музы цвѣтокъ оживаетъ, трепещущіе листья снова тянутся къ свѣту, окоченѣвшіе лепестки снова становятся мягкими. Дѣлу смерти наступилъ конецъ... Наци, рождающей поэтовъ подобно Бараташвили не суждено заглотнуть.

Кончая первый штрихъ общей психологiи Н. Бараташвили, попытаемся подойти еще ближе къ преобладающему фону его произведенiй—пессимизму.

Ходъ развитiя Бараташвили въ молодости представлялъ благопрiятную почву для ростковъ охватившаго его впоследствии пессимизма. Здѣсь все—одинъ только контрастъ, одни разочарованiя. У поэта мало общаго съ родными и ничего общаго съ обывателями Тифлиса, среди которыхъ онъ выросъ. Соотечественники Бараташвили въ громадномъ большинствѣ были не мечтатели, а люди дѣйствiя, относившіеся къ литературѣ равнодушно, если прямо не враждебно; простоватымъ людямъ свойственно раздражаться противъ того, чего они не понимаютъ. Обширная умственная дѣятельность, широкой артистической полетъ Бараташвили требовали иной среды, иныхъ людей.

Находясь въ разладѣ съ своею средой и съ своимъ временемъ Бараташвили находился въ разладѣ и съ самимъ собою. Страдая съ молодыхъ лѣтъ этой неизлечимой болѣзью, онъ слишкомъ рано остановился на мысли о ничтожествѣ человѣка и почувствовалъ, что выбился изъ силъ, хотя разбѣгъ его свидѣтельствовавъ какъ бы о желанiи дойти до безконечнаго. Къ тому-же анализъ, этотъ свѣточъ, горящій точно лампочка рудокопа и освѣщающій бездну, въ которую мы спускаемся, заставлялъ и поэта понимать свои внутренiе недостатки и жестоко страдать отъ нихъ. Самое большое несчастiе, которое можетъ случиться съ писателемъ—это, безъ сомнѣнiя, соединенiе въ немъ поэтической силы съ этой силой анализа. Блестящимъ, талантливымъ изображенiемъ описываемаго нами душевнаго состоянiя, является стихотворенiе Бараташвили: „Сирота“, трактующее о самомъ ужасномъ видѣ сиротства—сиротливости души.

Духовный процессъ, пережитый поэтомъ, отражается между прочимъ, и въ письмѣ его къ двоюродному брату Захарію Орбеліани. Приведемъ здѣсь слѣдующія ярко пессимистическія строки:

„... Я сильно былъ боленъ и чуть не переселился въ Елисейскія поля. До тѣхъ поръ я еще никогда не болѣлъ. Теперь же почувствовалъ страшное вліяніе болѣзни, которое, можетъ быть, навсегда оставитъ слѣды въ моей жизни. Непонятность предмета нашего назначенія, непредѣльность человѣческихъ желаній и ничтожество всего поднебеснаго міра наполнили мое сердце страшной пустотой“.

Такъ стонетъ поэтъ. Тутъ слышна уже боль, причиняемая глубокими ранами, разъядаемыми сильнымъ душевнымъ ядомъ. Но даетъ ли право этотъ стонъ отнести его къ категоріи крайнихъ пессимистовъ, которыхъ мрачное отчаяніе наводитъ на мысль о небытіи, о нирванѣ? Нѣтъ. И не болѣзнь поэта въ данномъ случаѣ рефлектируетъ на его внутренній міръ. Здѣсь нужно искать другія причины. Душа поэта, хотя и окруженная атмосферой идей, не можетъ однако избѣжать всякаго соприкосновенія съ окружающимъ его общественнымъ строемъ, а это соприкосновеніе часто бываетъ убійственнымъ. Дѣйствительно, если вѣкъ Байрона, Шекспира, а за ними Гете и Гейне еще подходилъ къ условіямъ, благопріятствующимъ поэтическому творчеству, то вѣкъ Лермонтова, Бараташвили и Пушкина становясь болѣе демократическимъ, научнымъ и утилитарнымъ удалялся отъ этихъ условій. Душа поэта изящна и великодушна, но, въ то же время, нуждается въ особенностяхъ жизни, совершенно исключительной, въ значительномъ досугѣ, изяществѣ обстановки, въ усложненіи чувства. Будучи по природѣ своей героической и, въ то же время, ребяческой, душа эта

жаждетъ славы; будучи нѣжной, она жаждетъ сочувствія.

Съ другой стороны, точное пониманіе дѣйствительности рѣдко бываетъ соединено съ выдающейся силой воображенія. Изъ этого слѣдуетъ, что поэту обыкновенно трудно бываетъ приноровиться къ своей средѣ, тѣмъ труднѣе, что среда эта бываетъ проникнута идеями, совершенно противоположными тѣмъ, которыя способствуютъ творчеству поэта.

Контрастъ подобнаго рода проливаетъ намъ также свѣтъ на отсутствіе у Н. Бараташвили равновѣсія духовнаго міра съ дѣйствовавшими вокругъ него силами. Хотя онъ и не высказываетъ прямо разладъ, къ которому приводила его выдающаяся сила воображенія, талантъ противорѣчившій жизненной обстановкѣ, однако въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній „Злой геній“, Бараташвили указываетъ именно на неравновѣсіе между его геніемъ и его судьбой. Приведемъ здѣсь его первую строфу:

„Скажи, кто звалъ тебя, судьбы моей злой геній,
Чтобъ жизнь мою и мысль навѣки отравить,
Чтобъ міръ моей души смѣнить борьбой сомнѣній
И вѣру дѣтскихъ лѣтъ въ груди моей убить!?”

Или напримѣръ, нѣсколько дальше въ томъ же стихотвореніи онъ говоритъ:

„Да будетъ проклятъ день, когда твое дыханье
Смутило въ первый разъ душевный мой покой!
Съ тѣхъ поръ страдаю я; но даже и страданье
Не въ силахъ облегчить души моей больной!...“

Въ этихъ словахъ поэта слышится нѣчто большее, чѣмъ оскорбленіе чувствъ его враждебными обстоятельствами. Въ нихъ сказывается также и негодованіе на контрастъ, установившійся между образами, нашептываемыми геніемъ и видимымъ міромъ...

Оканчивая нашъ миниатюрный опытъ, вызванный желаніемъ хотя приблизительно, въ общихъ чертахъ

познакомиться съ психологіей „грузинскаго Лермонтова“, намъ хотѣлось бы отмѣтить характерную особенность таланта Бараташвили, вѣрнѣе манеру, приемы его описательнаго таланта. Особенную прелесть его описаній составляетъ какъ бы полное сліяніе между нимъ и набрасываемымъ пейзажемъ природы. Намъ кажется, Бараташвили примѣняетъ поразительно искусный подборъ подробностей.

Онъ дѣлаетъ, такъ сказать, осязательною тишь звѣздной ночи и на берегу моря и среди величественнаго безмолвія кавказскихъ горъ... Онъ прибѣгаетъ къ самому мелкому штриху. Напримѣръ:

„И стихло все кругомъ въ безмолвіи великомъ;
Взошла луна; звѣзда зажглась любовью къ ней.
Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ
Молящейся—съ душой, не вѣдавшей страстей
Такъ наступила ночь“.

Примѣръ этотъ нѣсколько уясняетъ намъ описательную манеру Бараташвили. Передъ нимъ возстаетъ извѣстная картина, онъ отмѣчаетъ особенно запечатлѣвшіяся черты. Но для воскрешенія въ послѣдствіи этой картины въ памяти, такъ сказать для внутренняго ея воскрешенія, необходимо чтобы чувства и память дѣйствовали какъ бы инстинктивно, а это возможно лишь при неподдѣльно свѣжихъ чувствахъ. Особенностью этой Бараташвили обязанъ своему кавказскому происхожденію, врожденной любви горца къ природѣ. Онъ видѣлъ набрасываемую картину, но видѣлъ безъ предвзятаго намѣренія описать ее. Поэтому ему не приходилось вымучивать изъ себя воспоминаній, насиловать для этого свою нервную систему.

Сказанная характерная черта оградила Бараташвили отъ банальности, этой скрытой опасности для поэтовъ, изображающихъ красоту природы при помощи умышленныхъ воспоминаній.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Посвященныя памяти кн. Ж. М. Бараташвили.

Памяти кн. М. Н. Бараташвили.

Тебѣ поэтъ, твоимъ твореньямъ
Хвалу я нимѣ воздаю;
И дань восторговъ пѣснопѣнямъ
Я безиррастрадно отдаю.

*
* *

Ты пѣлъ народными устами,
Слагалъ ты пѣсни для толпы;
И пѣснямъ тѣмъ всегда внимали
Прекрасной Грузинъ сныи.

*
* *

Въ нихъ пѣснь твою подчасъ будила
Порывовъ добрыхъ крѣпкой сонъ;
Изъ все тогда доступно было,
А духъ добру былъ возвращень.

*
* *

И удалелся побѣжденный
Порокъ отъ пѣсенъ въ темноту,
А духъ стремился, пробужденный,
Отъ зла, къ прекрасному добру.

*
* *

Но ты умолкъ и дивныхъ пѣсенъ
Уже не пѣлъ толпѣ родной!
Ужели-жъ мѣръ сей былъ такъ тѣсенъ,
Что ты ушелъ—съ твоей душой.

*
* *

Но нѣтъ! Не весь ты мѣръ покинулъ.
Ты часть души отдалъ людямъ;
И мощь твою тотъ не отринулъ,
Кто любить правды свѣтлый храмъ.

*
* *

Тебѣ данъ небомъ былъ прекрасный
Даръ пѣснопѣнья, даръ живой.
Ты былъ нашъ Лермонтовъ кавказскій,
Ты былъ, какъ онъ великъ душой.

*
* *

Ты жилъ и будешь жить межъ нами,
Тебя не въ силахъ мы забыть;
Твой дивный даръ не смыть годами,
Ты въ мѣрѣ вѣчно будешь жить.

ნიკოლოზ ბარათაშვილის ხსოვნას.

ვერ შეურიგდი შეურიგებელს,
თახსირსა და ძუნწს ჩვენსა ცხოვრებას;
თვით ქართლის ერში, შენს სამშობლოში
ვერა პოვებდი სიამოვნებას!

* * *

დემონის ფრთებით გატაცებული
შენი ოცნება წყევლა-კრულვითაა
შორს მიილტოდა, მაგრამ თვალები
გენაბებოდა სიყვარულითა!

* * *

და ასე—ცისა და მიწის შორის
დატრიალებდი მოუსვენარი,
ვით უდაბნოში მარტოთ-მარტოკა
თავგანწირული ობოლი მგზავრი!

* * *

მაგრამ, პოეტო, არ გაქრა კვალი,
შენი ძლიერი სულის კვეთება
კვლავ სცემს ჩოგანსა,—და ქართლის ერსაც,
ოდესღაც მძინარს,—დღეს ეღვიძება!

ი. ევდოშვილი.

15 აგვისტო 1905 წ.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ
Н. Н. М. Бараташвили

К о н ь (Пегась).

Летить мой конь вперед, дорогу не разбирая,
А горный воронь велѣдь злобѣйшій крикъ свой шлетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

*
* *

На перерывъ вѣтрамъ, скачи черезъ горы, воды,
И жизненный мой путь молю, укороти!
Не бойся, о мой конь, жары и непогоды;
Не бойся утонить ты всадника въ пути.

*
* *

Пусть кину край родной, въ душѣ по немъ тоскуя,
И не увижу вновь ни милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣетъ тьму—тамъ родину найду я,
Тамъ звѣздамъ разскажу все тайны чувствъ моихъ...

*
* *

Стоишь сердца—слѣды любви—поймутъ: волна морская
И полный красоты, безумный твой полетъ!..
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

*
* *

Пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не припадетъ въ слезахъ,
Пусть воронь выклюетъ глаза мои, и, вою,
Пусть вѣтеръ занесетъ нескромъ мой жалкій прахъ,—

*
* *

Возлюбленной слезу—роса небесъ замѣнить,
А карканье воронь—замѣнить плачь друзей.
Лети, мой конь, себѣ твой витязь не измѣнить:
Не бывъ рабомъ судьбы, онъ не уступитъ ей.

*
* *

Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
На встрѣчу смерти самъ, безстрашный онъ пойдетъ!
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

*
* *

Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата,
И не захлопнетъ путь протоптанный тобой:
Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой ..

*
* *

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ злобѣйшій крикъ свой шлетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не знай
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Иванъ-да-Марья *)

Э л е г і я.

О, Мтацминда! **) о ты, гора святая!
Какъ трогаетъ твоихъ пустынныхъ мѣсть краса,
Когда по нимъ скользятъ лучъ солнца, дорогая,
И окропляетъ ихъ небесная роса!

*
* *

Какъ все таинственно тогда и молчаливо!
Съ твоей вершиной видъ какой открытъ глазамъ!
Внизу, какъ трапеза, въ нѣдрахъ сіяетъ нива
И благодарственными тебѣ шлетъ оніміамъ...

*
* *

Я помню вечеръ! здѣсь бродилъ я одиноко,
О темная гора, въ святилищѣ твоемъ.
Всю прелесть вечера я чувствовалъ глубоко:
Онъ грустенъ былъ, какъ я,—я видѣлъ друга въ немъ!

*
* *

А мѣръ былъ такъ красивъ! И неба отраженье
Запало въ душу мнѣ. Съ тѣхъ поръ меня къ себѣ,
О небо! ты влекло,—но мысли въ ихъ теченьи
Терялись въ воздухѣ, не долетѣвъ къ тебѣ!

*
* *

Глядишь въ твою лазурь, забывъ судьбу земную,—
Предчувствіе манитъ туда, за твой предѣлъ,
Въ обитель вѣчности—искать тамъ жизни иную...
Увы! не суждено знать смертнымъ твой удѣлъ!

*
* *

*) Тхоржевскіе.

**) Мтацминда грузинскій монастырь въ Тифлисѣ.

Пока, задумчивый, стоял я на вершинѣ
И красоту небесъ съ любовью созерцалъ,
Подкралась сумерки; былъ май; порой въ ложбинѣ
Вадыхалъ ночной зефиръ—и цѣлый міръ смолкалъ.

*
* *

Священная гора! Улыбку-ль утѣшенъя
Иль тихую слезу надеть въ тебѣ пришелецъ, —
Ты для него всегда источникъ облегченъя.
О другъ таинственный тоскующихъ сердець!

*
* *

И стихло все кругомъ въ безмолвіи великомъ,
Ваошла луна; звезда зажглась любовью къ ней.
Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ
Молящимся съ душой, не вѣдавшей страстей!

*
* *

Такъ наступила ночь. Въ моемъ воспоминаньи,
О Мтадминистра, ту ночь я свято сохранилъ!
Я помню тѣ слова въ ихъ стройномъ сочетаньи,
Которыя тогда я здѣсь произносилъ.

*
* *

Съ тѣхъ поръ, когда печаль мнѣ душу омрачаетъ,
Я вновь бѣгу къ тебѣ—и сердцу моему
Его страданья вновь надежда облегчаетъ,
Что первый солнца лучъ разсѣветъ скорбь и тьму!

Иванъ-да-Марья.

Суровый вѣтеръ налетѣлъ.

Суровый вѣтеръ налетѣлъ—и отъ меня съ собою
Унесъ душистый мой цвѣтокъ, вѣвъъ жизни всей унесъ!
Бывало, орошался онъ небесною росой;
Теперь-же смить и слѣдъ его потокомъ горькихъ слезъ!

*
* *

Когда засохшии лепестокъ его мнѣ попадется,
Я утѣшаюсь,— жизни радъ презрѣнный человекъ!—
Но сердце въ тотъ-же мигъ въ груди еще больнѣя забьется,
Когда о счастья вспомню я, утраченномъ навѣкъ!

Иванъ-да-Марья.

Ребенку

Люблю, люблю ребенка лепеть ніжний,
Люблю и звукамъ тѣмъ внимать.
Когда съ улыбкой райски—безмятежной
Лепечеть онъ, лаская мать!

*
* *

Его мірокъ—міръ материнской ласки,
Въ немъ беззаботно и тепло,—
И вотъ на все младенческіе глазки
Глядятъ безстрашно и свѣтло.

*
* *

Въ младенцѣ нѣтъ заботы непрестанной
О томъ, какъ жить,—въ немъ муки нѣтъ.
На Божій свѣтъ являясь, гость желанный,
Въ семью и самъ онъ вноситъ свѣтъ.

*
* *

О лепечи! буди въ насъ сладкій трепеть,
Пока еще свободенъ ты,
Пока свободенъ твой невинный лепеть
Отъ узъ житейской суеты!

Иванъ-да-Марья.

Злой гений.

Скажи, кто звалъ тебя, судьбы моей злой гений,
Чтобъ жизнь мою и мысль навѣки отравить,
Чтобъ миръ моей души смѣнить борьбой сомнѣній
И вѣру дѣтскихъ лѣтъ въ груди моей убить?

*
* *

А то ли мнѣ сузила ты въ годы вдохновенья?
Не ты ль свободу мнѣ на свѣтѣ обѣщала?
Ты муки рисовала—въ восторгѣ наслажденья.
И даже самый адъ въ Эдемъ ты превращала!

*
* *

Куда жъ твои—скажи дѣвались обѣщанья?
Разрушены давно завѣтныя мечты!
Гдѣ самъ ты,—отвѣчай! Гдѣ власть твоя и знанье?
Съ могуществомъ твоимъ, скажи, что сдѣлалъ ты?

*
* *

Да будетъ проклять день, когда твое дыханье
Смутило въ первый разъ душевнѣй мой покой!
Съ тѣхъ поръ страдаю и: но даже и страданье
Не въ силахъ облегчать души моеи больной!

*
* *

Прочь отъ меня, злой духъ! скитаясь одиноко,
Съ остывшею душой, съ озлобленнымъ умомъ,—
Что я теперь?! Увы, несчастливъ тотъ глубоко,
Кого коснешься ты безжалостнымъ крыломъ.

Иванъ-да-Марья.

Моей звѣздѣ.

Чѣмъ вызвалъ я твой гнѣвъ, звѣзда моеи судьбы?
Я всежъ поклонникъ твой, тобой хоть и гонимый;
Душа привыкла чтить и въ тучкахъ ликъ любимый
И замирать въ тоскѣ съ покорностью раба.

*
* *

Не думай, что отнять у жизни можешь сладость,
Скрываясь отъ меня во мглѣ тумана... нѣтъ
Когда и сквозь туманъ порой блеснетъ порой твой свѣтъ,
Живительной волной миѣ въ сердце льется радость!

*
* *

Съ какимъ бы ты лицомъ ни появлялась миѣ,
Я узнаю тебѣ, небесное свѣтило:
Ты—свѣтъ моеи души; ты къ жизни пробудила,
Источникъ тайныхъ силъ въ сердечной глубинѣ.

*
* *

Явись же вновь ко миѣ! разсѣй мои сомнѣнья
Тяжелый пологъ тучъ мгновенно разорви;
Пронзи миѣ грудь стрѣлой небесной вдохновенья
И сердце озари лучомъ твоеи любви.

Иванъ-да-Марья.

Молитва.

О, Боже, на грѣшного сына возри
И лютыя страсти мои умири!
Отецъ не скорбѣть развѣ можеть о снѣхъ,
Погрызшемъ въ соблазнахъ, въ мятежной пучинѣ?!

*
* *

Зачѣмъ угасаютъ надежды мои?
Безгрѣшныи Адамъ вины навѣстамъ змѣи.
Адамъ, упоенный красотами рая,
Презрѣлъ ихъ, земнымъ вождѣльнемъ сгорая.

*
* *

Воды живописной испить мнѣ дозволю,
Дай мнѣ утишить въ ней сердечную боль!
Челнокъ мой спаси отъ лихой непогоды,
Дай пристань покоя, духовной свободы!..

*
* *

О Боже! Ты вѣдаешь сердца тайныкъ!
Сберусь-ли подумать,— ужъ чудомъ проникъ
Ты въ каждаго помысла смутнаго трепеть.
Что значить безсилыя младенческой лепеть!
О чемъ-же молить остается рабу?!

Прими-жь и молчанье мое, какъ мольбу!..

Василій Взмичко

„Къ ченгури“ *).

Дрожащія звуки твои,—
Рокочущій откликъ тоски,—
То вздохъ еле-внятный,
То громкій страданія стонъ,
То отзвуки лучшихъ временъ,
Счастливой поры невозвратной!

*
* *

*) Чонгури—родъ гитары.

Скажи мнѣ, чонгури мой,
Дождусь-ли, услышу-ли, я,
Отрадные звуки?
Со звонкихъ нахлынуть-ли струнь
Мнѣ на сердце счастья бурунь,
Размечеть, развѣетъ ли муки?!

*
* *

Скажи мнѣ, чонгури... Но вѣтъ!
Не вылетятъ счастья привѣтъ
Потокомъ созвучій!
Не радостенъ струнь твоихъ звонъ.
То сердца разбитаго стонъ,
То жалоба горести жгучей!..

Василій Величко.

Твои свѣтозарныя очи.

Твои свѣтозарныя очи, красавица,
Я помню, слезами сіяли,
Я помню уста твои, грустью сомкнутыя.
Печальную танну скрывали...

*
* *

Горючія слезы тѣ суетны не были...
Даль неба въ очахъ отражалась...
— И, мнѣ на лицѣ твоємъ грустно-торжественномъ,
Печаль невемною казалась.

*
* *

О! понялъ теперь я причину загадочной,
Безмолвной и кроткой печали!
Да! слезы тѣ были слезами предсмертными,
Сиротство мое предвѣщали!

*
* *

Съ тѣхъ поръ — несъ дрожу я, во взорахъ задумчивыхъ
Завиди алмазныя слезы:
Роятся, встають въ моемъ сердцѣ измученномъ
Разбитаго счастья грезы.

Василій Величко.

На могилѣ царя Ираклія.

И предъ гробницею твоею склонилъ колѣни
О, старецъ-богатырь, и тихо слезы лью
На славу царственно великую твою!
Зачѣмъ-же воскресить нельзя священной тѣни.
Небесному вернуть земное бытіе,
Чтобъ ты взглянулъ на цѣль завѣтѣвшихъ стремлений,
На обновленный край, на дѣтище свое!..
Предъ царственнымъ твоимъ пророческимъ завѣтомъ.
Въ благоговѣніи я преклонилъ чело!..
Ты поминишь? Надъ тобою простерла смерть крыло...
Что вымолвилъ тогда, гора не здѣшнимъ свѣтомъ
Ты Грузіи своею, печальной сиротѣ?!
Взгляни: прошли года—и царственной мечтѣ
Судьбою благостной дано осуществленье!
И той мечты свитой вкушаемъ сладкій плодъ.
Мы всѣ, твои сыны, твой любящій народъ!
И вѣсти добрыя, и благо просвѣщенья
Несутъ, на родину любимую сѣша,
Всѣ тѣ сыны твои, которыхъ воли рока
Могучею рукою забросила далеко!
И жизнью молодой трепещетъ ихъ душа,
Такою пламенной любовью пылаетъ,
Что ледъ полночныхъ странъ предъ ней слезами таетъ!..
Оттуда дѣтими приносятъ сѣмена
Они, какъ братскій даръ, своею отчизнѣ милой,
Чтобъ жатва, пламеннымъ лучемъ озарена
Взошла стернею, прекрасна и пышна!..
Гдѣ властвовать грузинъ досель мечомъ и силой,—
Тамъ править гражданинъ, тамъ мирная страна!..
Прибой каспійскихъ волнъ, отиши усмирненныхъ.
Картвельцу не грозить, какъ лютый ураганъ,
И море Черное не шлетъ враговъ неконныхъ,—
А братьевъ дорогихъ несутъ изъ разныхъ странъ,
Крылатія суда, сверкая въ бѣлой пѣнѣ!..
Сии сладко! Вѣчный миръ твоей священной тѣни!
Послѣдній изъ бойцовъ, прославленный герой.
Твердыни иверской ты былъ живой душой!
Постигла Грузія теперь завѣтъ твой славный—
И ту гробницу, гдѣ почилъ твой прахъ державный,
Слезамъ оросивъ и оскнивъ мольбой,—
Въ благоговѣніи склонилась предъ тобою!..

Василій Величко.

К о н ь.

Безъ путей и дорогъ мчится конь вѣрный мой.
Съ крикомъ воронъ—вѣщувъ все кружить надо мной.
Мчись, мой вѣрный скакунъ, все быстрѣй, и быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Разсѣки грудью воду, сквозь вѣтеръ прорвись,
Надъ оврагомъ, надъ черною бездною промчись,
Не страшись, моя щица, ни бурь, ни дождей,
И меня, за усталость мою—не жаль!

Не бѣда въ томъ, что брошу отчизну свою,
Не услышу отъ милой—желанной: „люблю“.
Гдѣ застанеть насѣ ночь, тамъ отчизна моя,
Тайны-жъ сердца пусть звѣздамъ повѣдаю я!

Стоишь сердца митежнимъ пошлю я волнамъ
И любовь твоею бѣшенною скачкѣ отдамъ!
Мчись, мой вѣрный скакунъ, все быстрѣй и быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Пусть не въ милой отчизнѣ твоей всадникъ умретъ,
Пусть возлюбленной плачь до него не дойдетъ,
Иму вырасть воронъ, и ночью глухой
Его кости засмылетъ лишь вѣтеръ стеной.

Вмѣсто слезъ моей милой пусть слезы дождя,
Вмѣсто близкихъ пусть грифы оплачутъ меня.
Пролети-жь, мой скакунъ, надъ границей судьбы,
Твоей сѣдокъ ей не вѣдается безъ долгой борьбы.

Вѣрю страстно: безслѣдно она не умретъ,
Путь желанный твой тонотъ упрямый пробьетъ;
И тому, кто за мной*тяжкій крестъ облегчить,
Онъ отважно коня предъ судьбою промчитъ!

Безъ путей и дорогъ мчится конь вѣрный мой.
Съ крикомъ воронъ—вѣщувъ все кружить надо мной.
Мчись, мой вѣрный скакунъ, все быстрѣй, все быстрѣй,
Мои мрачныя думы по вѣтру развѣй!

Злой духъ.

Злой духъ, кто звалъ тебя? Какой рукой жестокой
Ты привлеченъ ко мнѣ и сталъ вождемъ моимъ,
Чтобъ жизнь мою смутить и вѣри дуть глубокой,
Спокойствіе души дыханьемъ смять твоимъ?

Что обѣщаль ты мнѣ, мой вѣный слухъ волнуя?
Не ты-ль свободы день мнѣ въ мѣрѣ рисовалъ,
Средь мукъ, мой пылкій умъ видѣньями чаруя,
Адъ въ дивный рай блаженства превращалъ?

Отвѣть мнѣ! Гдѣ тотъ мѣръ заманчивыхъ вѣщаній
Что грезы сжегъ мой огнемъ страстей большихъ,
Гдѣ ты, злой духъ, тоски безумныхъ ожиданій?
Отвѣть же мнѣ: гдѣ мощь волшебныхъ словъ своихъ?

Пусть проклятъ будетъ зень, когда тебѣ внималъ,
Я жертвовалъ тебѣ сердечной чистотой:
Покой нѣтъ! И, муками тѣлесными страдая,
Все жажду я, иду, какъ рабъ, на шопоть твой!

Прочь отъ меня, злой духъ мучительныхъ желаній!
Я мукамъ и тоскѣ плачу, скитаясь, дань...
О горе, горе тѣмъ, кого въ часы страданій
Коснется вдругъ твой чарующая длань!

Т. Бекханова.

Чонгури.

Твоя тоска, твоихъ рыданій звуки
Несутъ мнѣ дней былыхъ души былыхъ муки,
И сердце бьется вновь во власти прежнихъ думъ!
Но дань ли уловить, печальная чонгури.
Смѣхъ звонкихъ струнъ, веселый рокоть бури.

Забуду-ль мыслей рой, точащихъ слабый умъ?
Нѣтъ... Гдѣ услышу я желанныхъ звуковъ трещеть,
И гдѣ замѣнишь ты весельемъ скорбный лепетъ?
Я слышу: грустный стонъ ночную тишь тревожить,
И сердце не внять ему—не можетъ!

Т. Бекханова.

Моя Молитва.

Отець небесный мой, прости мнѣ прегрѣшенья.
Спаси и отклони недобрыхъ мыслей гнетъ!
Ужели у отца не хватитъ сожалѣнья,
И сына, впавашаго въ бѣду, онъ не спасеть?

Ты благъ. Зачѣмъ страдать, надеждъ себя лишилъ?
Самъ праотець, Адамъ невинный, согрѣшилъ,
За страсть, за мигъ одинъ отдавъ блаженство рай,
И свѣтлыхъ, райскихъ дней себя навѣкъ лишилъ!

Первосточникъ Ты, наною святой водою
И немощь исцѣли и скорбь души моей.
Храни мой утлый челнъ подъ жизненной грозой
И въ пристань тихую введи рукою Своей.

Всевѣдущій, душой глубокою и ясной
Заранѣ въ мысляхъ Ты читаешь, знаешь все,
Что я скажу Тебѣ? Слова мои напрасны!
Сочти-жъ молитвою Ты молчаніе мое.

Л. Купіани.

Къ Чонгури.

Тренетный стоишь твоихъ струнъ, нѣжно ленивущий звукъ
Въ памяти дни воскресилъ прежнихъ страданій и мукъ...
Но то невозвратное время сердцемъ владѣло всецѣло!

*
* *

Ну-же, чонгури, скажи, слышать придется-ли мнѣ,
Съ струнъ твоихъ, чтобъ полились пѣсни веселья однѣ
Съ тѣмъ, чтобъ и мрачныя думы съ пѣсней смѣшались-бы смѣло?

*
* *

Нѣтъ, не дождусь того дня, чтобы чонгури моя
Спѣла-бъ веселый мотивъ, грусть глубоко затая:
Вѣдь скорбнымъ лишь стономъ своимъ сердцемъ она овладѣла!

Тифлисъ 1905 г.

Ал. Рчеуловъ.

Судьба Грузин.

Историческая поэма

часть 1-я.

„О, Боже правый! Святой воли -
„Твоей вѣрю край родной:
„Ты знаешь Самъ о скорбной долѣ,
„Что намъ непослана судьбой.
„Силень нашъ врагъ! мы съ грозной тучей
„Должны вступить въ неравный бой...
„Но Ты десницею могучей
„Насъ укрѣпи передъ борьбой!“..

*
* *

Предъ станомъ войскъ своихъ Ираклий
Молился такъ передъ грозой...
Какъ жертва велика,—не такъ-ли,
Что царской смочена слезой?

*
* *

Поля Крцанвесскіе ужъ къ бою
Грузины заняли съ зарею;
Ихъ врагъ Ага-Мамедъ — бкль-ханъ,
Гроза всѣхъ неокорныхъ странъ!

*
* *

Ведеть войска свои онъ съ юга...
Ужъ стали близко другъ отъ друга...
На нихъ свѣтило солнце чудно,
Ираклій зналь, что дѣло трудно:
Свои войска онъ ободряль
И чуда мудрости являль!

*
* *

„Взгляните: съ дерзостью какою
„Возстали персы противъ насъ!
„Сегодня Грузіи судьбою
„Знать роковой назначень часъ!
„Мужайтесь! За страну родную
„Сегодня Я сражаюсь Самъ!
„Кто любить родину святую,
„Покажетъ тотъ себя врагамъ!“...

*
* *

„Да будетъ святъ Творецъ небесный,
„Что далъ намъ слышать голосъ Твой,
„Равно пріятный и извѣстный!“
Возвалъ народъ къ нему толпой:
„Иль будетъ спасена отчизна,—
„Такъ знай нашъ Царь и властелинъ,
„Иль, если къ намъ судьба капризна,
„То ми укрѣмъ всё, какъ одинъ!“...

*
* *

Какъ счастливъ Царь—отецъ душою,
Когда Его своей любовью
Дарить и войско и народъ!...
Раздался трубный звукъ—и вотъ
Зажглись сердца на смерть готовыхъ
Грузинъ за родину свою!

*
* *

О, трубный звукъ! Какъ много новыхъ
Родишь героевъ ты въ бою:
Храбрецъ подъ звукъ твой вдохновится,
Трусъ возродится въ мигъ душой:
Влюбленный даже позабыться
Подъ звукъ способенъ боевой...
Какъ съ тигромъ лютымъ левъ голодный
Грузины съ Персами сошлись
И кровью чистой, благородной
Въ бою отчаянномъ слились!

Здѣсь каждый яростно воюеть,
Войска въ бояхъ наострени;
Баратовъ—слѣва атакуеть,
А справа—Каплановъ*) сныи
Всю мощь грузинскую являли!
Хоть бодрый духъ Царя—отца
И долгъ—войска и вдохновляли;
Но бою нѣтъ и нѣтъ конца...
Грузины видать—дѣло худо,
Загнули шапки и взялись
За шапки, и дрались покуда
Враги позорно не сдались!

* *

Спустилась ночь—и вотъ покой
Смѣнилъ на время лютой бой.
Побѣда Иверцамъ досталась
Совѣтъ не дешево, увы!
И сердце царское сжималось
При мысли, что убиты львы —
Надежда, цвѣтъ страны печальной
Сложили головы въ бою!
Ихъ имена—звукъ погребальный!
Ихъ больше нѣтъ въ родномъ краю;
Лишь холмъ, насыпанный рукою
Друвей, свидѣтель будетъ имъ,
Что здѣсь лилась ихъ кровь рѣкою...
Холмъ этотъ долго будетъ чтимъ!
О, васъ герои, всѣ ужъ знаютъ,
Изъ устъ въ уста васъ прославляютъ!
Васъ Провидѣніе хранить,
Потомство вашу память чтить!..

* *

И вновь Праклій рѣчь держалъ:
„Намъ лучше въ городъ возвратиться
„И въ немъ тотчасъ-же укрѣпиться,
„Пока часъ утра не насталъ;
„Вѣдь много войскъ у Мамедъ-хана,—
„У насъ нѣтъ трети его стана,—
„Такъ за стѣною пусть считаетъ
„Всѣхъ храбрецовъ оны!“ Кончилъ Царь:
„Вѣдь хитрость силу побѣждаетъ!
„Не разъ твердили дѣды истаръ.“

* *

*) Кн. Орбелиани.

Съ Царемъ согласны все—и прочь
Ушли все въ городъ въ ту же ночь;
И до разсвѣта укрѣпляли
Военскя Тифлисъ у Нарикали;
И вотъ для жаркаго труда
Съ зарей все двинулись туда!
Но солнца лучъ въ тотъ день раскись
И тучей былъ покрыть Тифлисъ!
Врагъ къ укрѣпленью подступилъ,
Три дни здѣсь бился тщетно онъ,
И, выбившись советѣмъ изъ силъ,
Ужъ отступать былъ принужденъ.
Но подлѣй, гнусный врагъ грузинъ,
Ихъ выдалъ человекъ одинъ!....
Гуда ожидалъ мгновенья,
И сребролюбивою рукою
Предалъ врагамъ на посрамленье
Христовыхъ братьевъ головой!
Измѣнникъ броню боевую
Смѣнилъ на плату не большую:
Ворота крѣпости открылъ
И Мамедъ-хана въ нихъ впустилъ!

*
* *

Измѣной подлой пораженный,
Царь возмущенъ былъ всею душой.
Но посягаться, хотъ сраженный,
Не далъ врагу онъ надъ собой;
Какъ лютый звѣрь съ остервененьемъ
Его искать сталъ Мамедъ-ханъ,
Чтобъ умертвить и съ наслажденьемъ
Испить бы могъ кровь царскихъ ранъ!
Такъ посягнулся рокъ надъ ними,
И обожаемый Монархъ
Ираклій—былъ спасенъ лихимъ
Друзьями отъ враговъ въ горахъ!

Конецъ 1-ой части.

Ал. Рчеуловъ.

Тифлисъ, 20 Августа 1905 г.

Автографъ кн. Н. М. Бараташвили.

მეგზამ ჩემთვის ვუწავს-თქონი სიყვარული,
სხვა ვერცა შევძრის მას, ვუგუნავს მამა-მოს.
სხვა ვერცა ვუგუნავ, ღმერთისა შევძრის მამა-მოს,
რუხი სიყვარული, ღმერთისა შევძრის მამა-მოს!

1837

ნ. მ. ბარათაშვილი

Письмо Николая Баратова къ Захарію Орбеліани.*)

I.

Любимый братъ Захарій! Почему у насъ нѣтъ переписки? Долженъ сознаться, этотъ вопросъ заставилъ меня задуматься. Что я люблю тебя—это аксіома; что я не лѣнивъ—это доказываетъ моя дѣятельность на службѣ, такъ гдѣ же причина? Ну вотъ наконецъ нашель: безпечность, другую, братъ, причину я не знаю, если ты знаешь, объясни... и то можно сказать—что тебѣ писать?

Грустью и скукой отъ бурнаго потока жизни полное письмо твое глубоко задѣло мое сердце, хотя причины этого явленія для насъ разны. Я сильно былъ боленъ и чуть было не переселился въ Елисейскія поля. До тѣхъ поръ я никакою болѣзною не болѣлъ. Теперь я почувствовалъ ея странное вліяніе, которое можетъ быть навсегда оставить слѣды въ моей жизни. Непонятность предмета нашего назначенія, безпредѣльность человѣческихъ желаній и ничтожность всего подлуннаго міра, наполнили мое сердце страшной пустотой. Еслибъ у меня было маленькое независимое имѣніе, сейчасъ бы оставилъ я и міръ и человѣка съ его ненасытностью, и невозмутимо и спокойно провелъ бы свою простую (по старинному) жизнь на лонѣ простой природы, кото-

*) Гruz. газ. «Квали», 1893 г., № 7.

рая такъ величественна и прекрасна въ нашей родной странѣ. Съ такими преступными мыслями застало меня твое письмо, вновь выздоровѣваго. Вотъ причина моего сочувствія тебѣ.

Духъ человѣческой, достигнувъ полнаго своего развитія, совершивъ дѣла ему свыше опредѣленные, склоняется, наконецъ, утомленный къ покою въ тихой семейной жизни. Я бы отнесъ причину твоей скуки къ этой гипотезѣ, еслибы зналъ, что поприще твое совершилось. Но для тебя не наступило еще этого перехода жизни.

Правленіе Самурскимъ округомъ для тебя сдѣлалось обыкновенной вещью, разъ навсегда заведеннымъ механизмомъ. Твое сердце ищетъ новую пищу; твоя душа стремится къ большей дѣятельности ищетъ болѣе сильныхъ, патетическихъ сценъ. И пока она своего назначенія не достигнетъ, она скучаетъ, груститъ. Согласись, Захарій, что еще одинъ случай, подобный Рачинскому, и ты опять съ пріятнымъ волненіемъ снова забудешь и покой и семейную тишину. Загляни въ свое сердце и если убѣдишься, что громкая слава и бряцаніе оружія для тебя болѣе не соблазнительны, тогда оставь службу и примись за хозяйство. И это своего рода слава будетъ; осчастливь своихъ до сегодня на произволь судьбы оставленныхъ крѣпостныхъ. Если же нѣтъ, такъ помни, Захарій, что и въ жизни счастливаго земледѣльца не найдешь ты покоя. Затрубятъ военныя трубы и ты уже не земледѣлецъ. Можетъ быть я ошибаюсь въ причинѣ твоей скуки, но все таки я отъ тебя ожидаю славную дѣятельность.

Катю обручили на прошлой недѣлѣ съ Ревазомъ Эристовымъ и вѣнчаніе думаемъ устроить къ Вознесенію. Я очень радуюсь. И женихъ хорошъ и се-

мейство хорошее имѣть. Сколько бы мы не бродили, все таки въ Грузіи должны счесть свои послѣдніе дни, и потому я думаю, что сколько бы ни вольничали, все таки старая семья и хорошія знакомства, какъ бы не отстали они, будутъ лучше новой. Давидъ Эристовъ за сватовство ястреба просилъ и ты, надѣюсь, уважишь новыхъ родственниковъ. Прошу эту вѣсть передать Георгію. Хотѣлъ я ему письмо написать, но подумалъ, что едвали получить онъ мое письмо при такихъ быстрыхъ переходахъ войска съ одного мѣста на другое, и какое удовольствіе писать ни для кого.

Сожалѣю, что не знаю статистики Самурскаго округа, а то на память что нибудь попросилъ бы у тебя. Полагаюсь на твой выборъ.

Больше ничего не знаю въ настоящее время и дѣль у меня масса. Письмо это пишу въ судъ.

Твой вѣчно *Н. Бараташвили.*

1814 г. 15 апрѣля.

(Съ боку добавлено).

Послѣ твоего письма я получилъ письмо и Григорія. Чтобы онъ написалъ? Если ему дать тронъ Августа, онъ цѣлую имперію въ комиковъ и шутовъ превратитъ. Шутки и шутки! Навѣрно онъ ничего не знаетъ о томъ, что онъ подполковникъ.

II.

Любимый братъ Захарій! Восторженно привѣтствую тебя за исполненіе блестящаго дѣла, поздравляю тебя съ побѣдой. Меня больше всего радуешь то, что мои ожиданія оправдываются. Часто я тебѣ говорилъ, что на лбу у тебя замѣтна печать величія и славы.

Благодарю за ружье, стоять того, чтобы носило название подарка правителя Самурскимъ округомъ. Для меня же оно имѣетъ большую цѣну, какъ подарокъ уважаемаго и любимаго брата.

По почтѣ посланнаго твоего письма я еще не получалъ. Съ нетерпѣніемъ жду. Молодые люди Илья, Леванъ, Давидъ, Бақланъ (будто и онъ въ числѣ молодежи), Захарій и Александръ Эристовы всѣ пошли брать Шамиля: всѣ они предводители нашего войска. Капланъ вѣдь говоритъ, что всѣ эти молодые люди по наслѣдству сумасшедшіе.

Этого твоего лезгина я пригласилъ на обѣдъ и одно золото далъ ему за подарокъ (ფეშტაჟი).

Вѣнчаніе Кати назначили въ день Св. Петра и Павла. Говорятъ, Аргунинскаго въ генераль-адъютанты произвели, хотя официальнаго сообщенія нѣтъ, но, говорятъ, письмо получено изъ Петербурга. И не удивительно. Что ни говори, но увидишь, если онъ въ короткое время не сдѣлается Монтекукулемъ.

Если Георгій тамъ — передай ему сердечный поклонъ.

Наконецъ прошу Бога о дарованіи тебѣ вѣчнаго спокойствія и побѣды во всѣхъ дѣлахъ.

Твой вѣрный *Н. Бараташвили.*

1844 года 10 мая. Тифлисъ.

(Добавлено въ концѣ).

Отецъ и Ефемія цѣлуютъ тебя. Катя кланяется.

Давидъ Эристовъ, братъ зятя, за сватовство у тебя ястреба просилъ. Захарій, вѣдь знаешь, они такія вещи почитаютъ.

Твою побѣду здѣсь заставили Кетеваны отпраздновать. Не повѣришь: бутылкамъ шампанскаго счету не было.

Такіе скряги иногда и такъ знаютъ.

Письмо Николая Баратова къ Михаилу Биртвеловичу Туманову *).

Дорогой другъ, не пѣняй на меня за мое молчаніе. Дѣйствительно, въ нашемъ отъ жары испеченномъ и туманомъ пыли окутанномъ городѣ ничего нѣтъ новаго. Оживляюсь только по луннымъ ночамъ, которая такъ прекрасна въ Тифлисѣ. Вчера, въ одну изъ такихъ лунныхъ ночей побрелъ я къ Московскоѣ заставѣ; незамѣтно очутился я на кладбищѣ. Правду сказать тебѣ, я вздрогнулъ, когда почувствовалъ эту мертвенную тишину; было 11 час. ночи. Ни единой человѣческой души. Вокругъ вѣчная тишина. Луна тускло освѣщала могилы, какъ послѣднее мерцаніе догорающей надгробной свѣчи темную комнату. Безмолвно и плавно течетъ Кура, какъ будто боится нарушить спокойствіе этой печальной мѣстности. Ты теперь въ безопасности живешь и я не хочу встревожить тебя грустными думами, навѣянными на мою душу этимъ небесно-земнымъ видѣньемъ! Но скажу тебѣ, что хорошо вспоминать кладбище; даже необходимо смертнымъ дѣтямъ міра сего находить тамъ смыслъ жизни: угѣшеніе несчастнаго и конецъ счастья!..

Но эхъ, возвращусь къ тебѣ.

Благодарю тебя за удовольствіе, доставленное мнѣ тобою присланными книгами; послѣднюю изъ

*) Груз. газ. «Квали», 1893 г., № 11.

нихъ прочли вмѣстѣ я и Захарій Орбеліани. Это критика или лучше сказать цѣлое посланіе сочинителю „Астра“. Хорошо! Но мнѣ кажется онъ не достигаетъ цѣли, т. е. ты не узнаешь, кто такая эта неизвѣстная Астра. Это тайна автора. Онъ писалъ не для тебя и не для свѣта; писалъ онъ для себя; она (дѣвушка) его понимаетъ и авторъ этимъ доволенъ. Что ему больше? На что ему случилось, понимаешь-ли ты что-нибудь или нѣтъ. Всѣ знаютъ, что стихи украшаются предметомъ ихъ вдохновенія. И если хочешь знать значеніе только слова „Астра“, то это очень легко; слово взято изъ французскаго языка (astre), которое по нашему значить (ἀστρον) утренняя звѣзда. Такъ-то брать.

Скажу новость, если не разсердишься. Сегодня вечеромъ ѣду въ сел. Мцкнети. — Почему? — Потому, что она тамъ. Ея мать просила провести нѣсколько дней у нихъ. Какіе будутъ это дни? А?

Но кончимъ разговоръ, а то опоздаю на почту, ты знаешь я не люблю заранѣе заготовлять письма.

Прощай, отшельникъ Алазанской долины! Расскажи что нибудь про дочь твоей долины.

Весь твой *Н. Бараташвили.*

Р. С. Не успѣлъ написать Варламу письмо. Если увидишь его, скажи ему, что дѣло такъ устроилось, какъ онъ желалъ: къ чину онъ представленъ. Теперь пусть расправляется съ свѣтомъ.

Николай Бараташвили *).

Стихотворенія Н. Бараташвили. Тифлисъ. Типографія Е. Хеладзе 1875
(на грузинскомъ языкѣ).

Стихотворенія Николая Бараташвили ходили по рукамъ и были извѣстны грузинской публикѣ до основанія перваго грузинскаго журнала „Цискари“ (заря), въ 1852 г. Всѣ грузинскіе журналы „Цискари“, „Грузинскій Вѣстникъ“ „Мнатоби“ (свѣточъ) „Кребули“ (Дружина) печатали по временамъ мелкія его стихотворенія и отрывки изъ его поэмы „Судьба Грузіи“. Значительная часть лучшаго сборника грузинскихъ стихотвореній. „Чонгури“ наполнена была его сочиненіями. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ въ грузинской литературѣ, богъ вѣсть почему, не существовало полнаго изданія стихотвореній этого поэта. Выпустить въ свѣтъ такое изданіе было, по видимому не особенно затруднительно. Для этого требовалось напечатать небольшую брошюру въ 63 страницы формата $10 - 16^0$. Какъ бы то ни было, теперь такое изданіе сдѣлано, и мы, вмѣстѣ съ читающею грузинскою публикою, приобрѣли возможность составить себѣ болѣе или менѣе полное и цѣльное понятіе о поэтической дѣятельности одного изъ лучшихъ грузинскихъ писателей.

Нужно впрочемъ сказать, что и по тѣмъ отрывкамъ и стихотвореніямъ, которыя разбросаны были

*) Газ. „Тифл. Вѣстн.“ 1876 года № 17.

въ грузинскихъ повременныхъ изданіяхъ, возможно, было доставить себѣ нѣкоторое, довольно ясное, представление о личности поэта. Лица, внимательно слѣдившія за грузинскою литературою, не могли не разглядѣть сквозь два три десятка мелкихъ стихотвореній, подписанныхъ именемъ „Ч. Бараташвили“ въ высшей степени симпатичной и талантливой личности ихъ автора. Его любящая душа, его жалоба на судьбу и порывы къ лучшему—прямо дисгармонировали съ общимъ содержаніемъ грузинской поэзии прежнихъ временъ, поглощенной пѣснопѣіемъ любви и красоты. Сила стиха, мысли, чувства и страсти, составляла отличительный признакъ его сочиненій, производившихъ на читателя глубокое впечатлѣніе. Но отсюда до яснаго представления о поэтической дѣятельности поэта, о степени его вліянія на развитіе родной литературы, было черезчуръ далеко, и сама грузинская критика не рѣшалась высказываться опредѣленно о поэтѣ, боясь попасть въ односторонность или ошибку.

Теперь, повторяемъ, пробѣлъ восполненъ, и мы смѣло можемъ заняться талантливою личностью поэта. Но прежде чѣмъ перейти къ его характеристикѣ, мы должны сдѣлать одно весьма существенное замѣчаніе.

Мы имѣемъ основаніе утверждать, что Николай Бараташвили состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими грузинскими людьми тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Онъ былъ друженъ со всею тогдашнею плеядою, и чтобы не распространяться долго, скажемъ, что въ числѣ самыхъ близкихъ друзей его были кн. Г. Д. Орбелиани, Л. И. Меликовъ и пр. Между тѣмъ, о личной жизни поэта, объ его обстановкѣ, мнѣніяхъ, привычкахъ,

занятіяхъ и вкусахъ публикѣ рѣшительно ничего не извѣстно. Публика не знаетъ, напримѣръ, когда родился и когда скончался любимый поэтъ, какія тревоженія омрачали его жизнь, отчего такъ довременно скончался онъ и т. д. Ни писемъ его, ни воспоминаній о немъ, никакихъ простыхъ біографическихъ данныхъ друзья его не только не обнародовали, но даже, какъ кажется, они и не собирались. Вотъ почему приходится ограничиваться самыми поверхностными свѣдѣніями о жизни поэта и искать данныхъ объ его личности почти исключительно лишь въ его стихотвореніяхъ.

Стихотворенія, вошедшія въ составъ собранія сочиненій Н. Бараташвили и расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, начинаются 1834 и кончаются 1843 годомъ. Въ добавленіи напечатаны два стихотворенія 1844 и 1845 г.г. Если, для оцѣнки ихъ значенія, вспомнить тогдашнее положеніе грузинской литературы и, въ особенности, господствовавшей тогда въ ней взглядъ на значеніе и характеръ поэзіи, мы увидимъ, что Бараташвили является въ грузинской литературѣ несомнѣннымъ новаторомъ. Стихотворенія предшествовавшихъ поэтовъ носили на себѣ печать безотчетнаго поклоненія вину и любви, при этомъ понимаемой въ самомъ грубомъ и чувственномъ смыслѣ. Никто изъ грузинскихъ поэтовъ, почти со временъ Руставели, не считалъ нужнымъ отрешаться отъ того взгляда, что поэзія создана исключительно для удобства легчайшаго и менѣе всего подозрительнаго объясненія въ любви. Совершенствовавалась форма стиха, измѣнялся напѣвъ, тонъ стихотвореній переходилъ изъ слезливаго къ веселому, отъ восторженнаго къ умоляющему, но сущность и

содержаніе оставались тѣ же. Рѣдко кто касался въ стихахъ до больныхъ или здоровыхъ мѣстъ въ дѣйствительной жизни, и никто, за исключеніемъ развѣ одного лишь Д. Гудалишвили, не дерзалъ затрогивать живые, насущные вопросы дѣйствительности.

Мы не знаемъ чѣмъ объяснить это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что жизнь Грузіи кишѣла подобными обстоятельствами. Страннѣе всего то, что за этотъ весь періодъ, когда Грузія вела исполнскія войны съ сосѣдями для охраненія своей вѣры и независимости, и когда вся жизнь ея преисполнена героическими и трагическими моментами, ея литература осталась нѣмою и бѣдною эпическими и лирическими мотивами, а стоитъ только сравнить эпоху какой-нибудь Сербіи или Каталоніи съ грузинскою народною и письменною литературою: тамъ мы видимъ первенство въ литературѣ тѣхъ именно вопросовъ и интересовъ, которые дѣйствительно волновали и тревожили народъ и составляли предметъ его насущныхъ думъ и тревоженій; тутъ-же, напротивъ того, глядя на литературу, можно думать, что грузинскій народъ жилъ все время безмятежной пастушеской жизнью, спасаясь подъ виноградниками своими, созерцая чаши, наполненныя янтарно-прозрачнымъ виномъ и упиваясь ласками идеально прекрасныхъ дѣвъ. И послѣ этого говорятъ еще, что литература — зеркальное отраженіе жизни народа!

Мы не знаемъ болѣе разительнаго раздвоенія между дѣйствительною жизнью и литературою какого-либо другого народа, тѣмъ болѣе, что за то время жизни Грузіи литература, будучи письменною, но не печатною, нисколько не зависѣла, отъ стѣснительныхъ и внѣшнихъ условій, такъ часто извращающихъ ея характеръ!.. Понятно, слѣдовательно, какое

громадное значеніе въ ея литературѣ долженъ имѣть такой поэтъ, въ первый разъ рѣшающійся отразить въ своихъ произведеніяхъ жизненные мотивы своего времени, и вызывающій въ нихъ сомнѣнія, думы и стремленія лучшихъ людей своего вѣка. Такое именно значеніе имѣеть въ грузинской литературѣ, по нашему мнѣнію, Николай Бараташвили.

Уже одно это обстоятельство, рельефно выставяющее оригинальность поэта, даетъ понятіе объ обособленномъ положеніи его въ родной литературѣ. Но и съ точки зрѣнія внѣшней отдѣлки и фактуры стиха. Бараташвили является самобытнымъ. Стихъ его, правда, не столь легкій и гибкій, какъ бакхическіе куплеты Ал. Чавчавадзе, вноситъ въ грузинскую литературу невиданную до тѣхъ поръ въ ней энергію и звучность. Онъ скупъ на слова и сжатъ въ формѣ, и общее впечатлѣніе, производимое имъ на читателя, вполне соотвѣтствуетъ тому, какое получается въ русской литературѣ при чтеніи стиховъ Лермонтова. Тутъ мы видимъ ту же силу стиха, ту же рѣзкость красокъ, то же отсутствіе деталей и тѣней, слышимъ стальной звукъ тяжелаго молота, вбивающій данный образъ или данную мысль въ голову читателя. Немало мѣсть изъ стихотвореній Бараташвили успѣло уже перейти въ грузинскій разговорный языкъ въ видѣ поговорокъ, афоризмовъ и сентенцій, а это, какъ извѣстно, служитъ лучшимъ доказательствомъ литературной силы таланта Бараташвили.

Съ этой точки зрѣнія въ его произведеніяхъ замѣчается постепенный и постоянный прогрессъ. Первые его стихотворенія, очевидно не всѣмъ еще освободившіяся изъ подъ гнетащаго вліянія предшествовавшихъ поэтовъ, при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ мысли и чувства, страда-

ють внѣшними недостатками стихотвореній прежняго періода. Они мало или вовсе не отчеканены, плохо выдержаны въ цѣломъ, замѣтно вялые и блѣдныя красками. Но вмѣстѣ съ годами совершенствуется и стихъ Бараташвили. Съ каждымъ годомъ онъ становится все сильнѣе и сильнѣе, приобрѣтая и ясность, и энергію, и рѣзкость, и сжатость. И подъ конецъ, въ 1845 году, мы видимъ стихотвореніе (стр. 63), отличающее такими поразительными достоинствами формы, что его смѣло можно принять за произведеніе народной музыки. Въ немъ, въ первый разъ въ грузинской литературѣ, уловленъ народный говоръ, народная обрисовка предметовъ, народный стихъ,—словомъ грузинская народная поэзія нашла въ этомъ стихотвореніи свой отголосокъ. Прослѣдя это послѣднее совершенствованіе фактуры стиха и помня въ какихъ молодыхъ годахъ сошелъ въ могилу Бараташвили, нельзя не найти еще одного его сходства съ Лермонтовымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грузинскій поэтъ, подобно русскому, подавалъ великія надежды развитію родной литературы, и если бы ему дано было прожить подольше, дальнѣйшее развитіе его таланта и дѣятельности оставило бы въ полумракѣ первыхъ неопытныхъ шаговъ все то, что сдѣлано было имъ въ періодъ своего юношества!

Но судить и рядить о томъ, что было бы, если бы Бараташвили дожилъ до зрѣлыхъ или старческихъ лѣтъ—по меньшей мѣрѣ безцѣльно. Мы заговорили объ этомъ лишь вскользь, указывая на несомнѣнный прогрессъ развитія его литературнаго таланта. Теперь же, въ связи съ этимъ прогрессомъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться подробнѣе на выясненіи одной любопытной частности.

Въ сущности говоря, въ произведеніяхъ Бараташвили почти совсѣмъ нѣтъ безуспѣшно любовныхъ стихотвореній.

Даже и тамъ, гдѣ поэтъ воздастъ любви кесарево-кесареви, онъ умѣетъ подмѣтить оригинальное и интересное движеніе сердца, или высказать дѣльную и полезную мысль. Но, не смотря на это, мы замѣчаемъ, что въ тѣхъ его стихотвореніяхъ, которыя такъ или иначе, хотя-бы по исходной точкѣ, писаны на любовныя темы, Бараташвили обнаруживаетъ большую прелесть формы и силы стиха, тогда какъ въ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ затрогиваетъ философскія или духовныя стороны жизни, онъ выходитъ блѣднымъ и вялымъ—конечно сравнительно съ остальными своими произведеніями. Нужно думать, что фамиллярность грузинской поэзіи съ игривыми или эротическими сюжетами давала поэту больше средствъ къ легчайшему усвоенію любовныхъ мотивовъ и къ лучшей выработкѣ стиха, и что отсутствіе въ прежней литературѣ всякихъ философскихъ мотивовъ, связывали Бараташвили по рукамъ и ногамъ, лишая его возможности и владѣть предметомъ и найти ему наиболѣе краткое и понятное выраженіе. Вотъ чѣмъ, по нашему понятію, объясняется тотъ фактъ, что рядомъ съ остальнымъ стихомъ однихъ произведеній Бараташвили, мы видимъ подъ-часъ піесы очевидно растянутыя и слабыя, страдающія отсутствіемъ какъ внѣшней безукоризненной отдѣлки, такъ и ясностью внутренняго содержанія.

Послѣ всѣхъ этихъ общихъ замѣчаній мы имѣемъ возможность перейти теперь къ характеристикѣ поэта, какимъ онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ.

Отъ редакціи. Къ сожалѣнію окончанія этой статьи нельзя было помѣстить, въ этомъ томикѣ за не розысканіемъ слѣдующаго № газеты „Тифлисскій Вѣстникъ“ за 1876 г.

Изъ „Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона.

Первый дополнительный полутомъ.

„Бараташвили (князь Николай Мелитоновичъ, 1816—1845)—грузинскій поэтъ. Тяжелыя личныя неудачи и ничтожество окружающей среды наложили печать меланхоли на творчество поэта, прозваннаго „грузинскимъ Байрономъ“. Въ эпоху борьбы съ горцами и общаго увлеченія военными подвигами онъ взываетъ къ другой, лучшей славѣ—сдѣлать счастливыми своихъ крестьянъ; онъ жаждетъ самопожертвованія для родины. Пессимизмъ Б—швили не укладывается въ рамки личнаго недовольства; онъ носитъ философскій характеръ, обусловливаемый общими запросами человѣческой души. Б—швили первый грузинскій поэтъ мыслитель, воплотившій въ своихъ прекрасныхъ по формѣ произведеніяхъ общечеловѣческіе идеалы справедливости и свободы. Отдѣльныя стихотворенія переведены на русскій языкъ И. Ф. Тхоржевскимъ, Величко и др. Пятое изданіе стихотвореній Б. вышло въ Тифлисъ въ 1885 году, См. А. Хахановъ, „Изъ исторіи современной литературы“. („Русская Мысль“, 1889).

Забытая могила.*

Прогрессъ общества измѣряется и уваженіемъ, съ которымъ оно относится къ своимъ дѣятелямъ. Только то общество достойно будущности и носить въ себѣ зародышъ несомнѣннаго роста и развитія, которое не забываетъ своихъ выдающихся людей. Таланты и гени, служа обществу, въ то же время налагаютъ и на него извѣстныя обязанности, игнорировать которыя — преступленіе, неизвиняемое ни божескими, ни человѣческими законами.

Эти грустныя мысли навѣяны на насъ недавнимъ сообщеніемъ изъ Елисаветполя, напечатаннымъ въ нашей газетѣ. Въ сообщеніи этомъ говорится о томъ, въ какомъ положеніи находится могила Н. Бараташвили, даровитѣйшаго и талантливѣйшаго изъ грузинскихъ поэтовъ XIX столѣтія. „Не отрадное впечатлѣніе производитъ она, эта могила — говоритъ корресп. „Нов. Обозр.“ Никакихъ слѣдовъ, что тутъ лежитъ прахъ человѣка, кое-что сдѣлавшаго для грузинской литературы. Единственное, чѣмъ еще держится память о „грузинскомъ Лермонтовѣ“, это — двѣ мраморныя плиты, хранящіяся въ церкви, очевидно изъ опасенія, чтобъ и онѣ не улетучились“. Въ довершеніе всего, оказывается, мѣстная администрація, въ видахъ удобства, намѣревается провести

* Газ. „Новое Обозрѣніе“ 1891 г. № 2557.

улицу черезъ ограду церкви, при чемъ нѣсколько могилъ, между прочимъ и могилу Н. Бараташвили, придется скрыть. Такимъ образомъ, если намѣреніе это будетъ приведено въ исполненіе, — а въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться, — черезъ нѣсколько лѣтъ нельзя уже будетъ доискаться могилы покойнаго поэта.. Прахъ его сокроется подъ замощенною улицею, онъ будетъ попирается уличною толпою, и это въ то время, когда десятки тысячъ заучиваютъ его пѣсни, когда по поводу ихъ творца и кстати и не кстати раздаются:

Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья!..

Не грустно-ли это, не насмѣшка ли это судьбы надъ памятью поэта, такъ много страдавшаго при жизни?..

Значеніе Н. Бараташвили въ дѣлѣ развитія грузинскаго общества слишкомъ велико, чтобы примириться съ такою его участію. Прозванный, и основательно, „грузинскимъ Лермонтовымъ“, онъ жилъ и работалъ при условіяхъ, дѣлавшихъ особенно цѣннымъ его поэтическій подвигъ. Лирѣ русскаго пѣвца предшествовала цѣлая плеяда поэтовъ съ великимъ „баяномъ Сѣвера“ во главѣ, и онъ шелъ по пути протоптанному его предшественниками. Ему не нужно было бороться съ обществомъ, защищать себя, отстаивать отъ толпы свое высокое призваніе. Опираясь на могучій талантъ, онъ смѣло могъ открывать міру свои поэтическія видѣнія, въ полной надеждѣ, что свѣтъ станетъ ему внимать въ „нѣмомъ благоговѣніи“, что онъ будетъ признанъ носителемъ и выразителемъ лучшихъ стремленій и идеаловъ своего общества. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ: кратковременная дѣятельность его сопровождалась

восторженнымъ сочувствіемъ всего русскаго образованнаго міра; смерть его вызвала всеобщее горе и сожалѣніе... Увы, не такъ баловала судьба его грузинскаго собрата. Живя въ мертвомъ, застывшемъ на будничныхъ интересахъ, обществѣ, среди людей, не понимавшихъ ни его дара, ни его высокихъ стремленій, гонимый и осмѣиваемый толпою, оскорбляемый даже тѣми, кого онъ любилъ, поэтъ долженъ былъ, — „завѣтъ предвѣчнаго храня“, — бѣжать изъ столь горячо имъ любимой родины и гдѣ-то тамъ въ татарскихъ провинціяхъ сберегать свѣточъ, врученный ему свыше... Въ качествѣ безвѣстнаго титулярнаго совѣтника, пропадалъ онъ въ добровольномъ изгнаніи, выражая свое душевное состояніе въ поэтическихъ перлахъ, полныхъ чарующей прелести. Стихотвореніе его — „Сирота“, трактующее „о самомъ страшномъ изъ сиротствъ“ — сиротливости души — лучший свидѣтель его страдальческой жизни.

И вотъ, молодой поэтъ, похищенный смертью также рано, какъ и Лермонтовъ, оставляетъ маленькій томикъ стихотвореній, составляющій нынѣ славу и гордость грузинской литературы. Всѣ пѣсни этой маленькой книжки давно уже стали достояніемъ народа и поются вездѣ: и въ хижинахъ, и въ палатахъ, всюду, гдѣ способны мыслить, чувствовать и любить. Изъ всѣхъ грузинскихъ поэтовъ текущаго столѣтія, если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, преимущественно, ему лишь одному выпала такая честь, благодаря высокимъ достоинствамъ его печальной музы. Ни по силѣ таланта, ни по глубинѣ чувства, ни по ширинѣ мысли или оригинальности художественныхъ образовъ и металлической звучности стиха, онъ не нашелъ и не находитъ себѣ преемника. Единственный въ своемъ родѣ, онъ

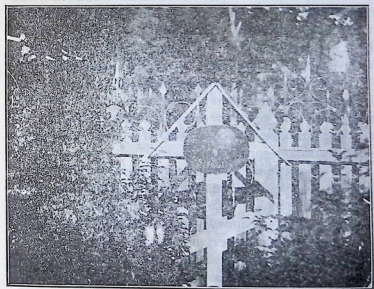
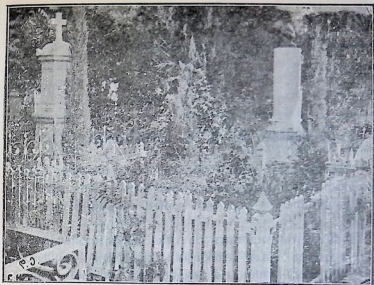
жилъ одинъ, страдалъ одинъ и, блеснувъ метеоромъ, угасъ одиноко, чтобы стяжать себѣ громкую славу и... истлѣвать подъ мостовою чуждаго ему города.

Простой, невѣжественный мужикъ Пушкина, изъ боязни суда оттолкнувшій плываго за „могилою и крестомъ“ утопленника, былъ замученъ совѣстью. Все грузинское-же общество, превозносящее своего „мгосани“ (пѣвецъ), равнодушно внемлетъ его замогильному гласу, взывающему о „крестѣ“ и „могилѣ“. Человѣкъ, сумѣвшій силою своего генія извлечь столько слезъ изъ глазъ, возбудить любовь къ ближнему, зажечь столько сердець стремленіемъ къ добру и свѣту, не можетъ добиться до сихъ поръ простого уваженія къ своей памяти. Не позоръ-ли это? Не мертвы-ли мы всѣ тѣ, которые считаемъ себя живыми?

Пусть не говорятъ намъ о бѣдности, какъ о причинѣ преступнаго невниманія. Не о пышномъ мавзолеѣ идетъ тутъ рѣчь, а о простой могилѣ, гдѣ-бы могли успокоиться не истлѣвшія еще кости. Лишенный всего Іовъ, поѣдаемый червями, и тотъ сумѣлъ-бы не отказать первому встрѣчному въ этой послѣдней услугѣ.

Ил. Хонели.

Могилა кн. Н. М. Бараташвіги да пастэновкі памятніка.

Къ поминкѣ кн. Н. М. Бараташвили. (*)

Мы хотимъ отдать запоздавшую дань безвремен-
но угасшему національному поэту Грузіи—ея свѣточу,
померкнувшему вдали отъ горячо любимой имъ ро-
дины.

Полвѣка съ лишнимъ съ тѣхъ поръ пронесла без-
дна времянь надъ снѣговыми хребтами Кавказа.—
Что-жъ измѣнилось въ картинахъ родного намъ
края?

По прежнему гордъ величавый Казбекъ, не
склоняя сѣдой головы. Чиста и прозрачна какъ пре-
жде Арагва. Пышнымъ цвѣткомъ благоухаетъ вѣчно
юная Грузія.—Обликъ природы измѣнитъ свою фор-
му и краски спустя лишь долгое, долгое время...

Иному закону однако полчиненъ человѣкъ. Что
для природы—лишь мигъ въ безконечной цѣпи вре-
мень, то для человѣческаго общества—цѣлая эпо-
ха, воплощающая въ себѣ всѣ измѣненія духовной
и матеріальной жизни его.

На протяженіи шестидесяти лѣтъ, отлѣляющихъ
насъ отъ дня смерти кн. Бараташвили, Грузія пере-
жила паденіе цѣпей крѣпостничества, реакцію 80-хъ
годовъ и нынѣ, воспитанная уроками и значеніемъ
последнихъ событій, вступаетъ на новый путь исто-
рической жизни. Степень развитія грузинскаго об-
щества въ данный моментъ представляетъ неизмѣ-

*) Въ городѣ Тифлисѣ, въ оградѣ Дидубійской церкви, нынѣ
воздвигается надгробный памятникъ національному грузинскому поэту.

римую разницу сравнительно съ современниками Бараташвили, не понимавшими ни поэтического дара, ни артистическаго полета мысли пѣвца Грузіи. — Что оказалось доступнымъ нашему поколѣнію, то было недостижимымъ его предшественникамъ. Отсюда намъ становится яснымъ, что не по странной ироніи судьбы талантъ поэта, его оригинальный умъ прошли по своей литературной эпохѣ также, какъ мы проходимъ по иноземной странѣ, языкъ которой намъ неизвѣстенъ. Онъ много писалъ, но его мало читали. Даже немногочисленные друзья его, близко знавшіе и умѣвшіе цѣнить его, не ожидали для него той посмертной славы, которая съ теченіемъ времени выросла до того, что мы теперь, напримѣръ, прямо говоримъ: „Баратовъ“, какъ говоримъ „Пушкинъ“, „Лермонтовъ“, „Гете“. — Объяснить почему намъ теперь такъ нравится этотъ писатель, котораго еще недавно не понимали, — это значитъ объяснить не только какое развитіе, но и какіе отгѣнки его отличаютъ насъ отъ предшественниковъ нашихъ. Кто можетъ поручиться за то, что по прошествіи еще другихъ шестидесяти лѣтъ баярдъ Грузіи и его поклонники снова не будутъ забыты новымъ поколѣніемъ, которое предъявить иныя требованія къ жизни и будетъ имѣть иные вкусы? Этотъ вопросъ слѣдуетъ не забывать тѣмъ, кто воображаетъ, будто воплащаетъ въ своихъ произведеніяхъ съ безусловной вѣрностью міровыя мечтанія. Что сказать намъ относительно страданій и разочарованности поэта?

Мы знаемъ, что Бараташвили, какъ натура избранная и тонко чувствующая, невыносимо мучился при соприкосновеніи съ окружающею его средой. Такова участь людей съ крайне развитой впечатли-

тельностью: они слишком страдают от того, что способны воспринять въ себя ощущения других. Эта способность привела поэта къ сближенію съ непонимавшими его людьми, къ бесполезной тратѣ времени и духовныхъ ресурсовъ на людей, стоявшихъ гораздо ниже его. Онъ наказанъ—а за что? —За то, что не умѣлъ презирать.

Его благородная мечта о возвышенной жизни, эта мечта, которая одна даетъ намъ возможность понять благородныя души артистовъ, заставила его израсходовать богатства души въ ожиданіи чего то невѣдомаго, что никогда не наступитъ...

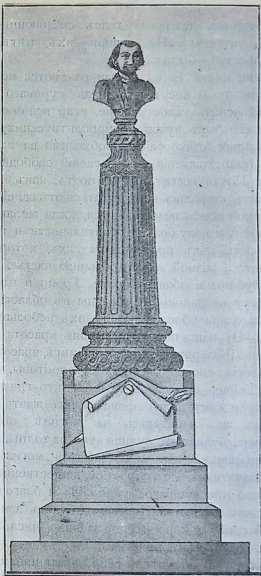
Такъ страдалъ нашъ несчастный Бараташвили, и, умирая на тридцатомъ году своей жизни, онъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что его имя, какъ и его жизнь потерпитъ окончательное крушеніе въ этой громадной пучинѣ забвенія, неподвижныя воды которой покрываютъ собою столько милліоновъ исчезнувшихъ съ лица земли человѣческихъ существованій.... Но сама судьба, эта насмѣшливая фея, вѣнчающая лаврами холодныя могилы мертвецовъ и наносящая раны сердцу живого человѣка—рѣшила иначе. Не умерло имя поэта—страдальца. Бараташвили живетъ въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ. Его лира звучитъ, разнося далекое эхо по горамъ и долинамъ красавицы Грузіи, которую онъ такъ горячо, такъ беззавѣтно любилъ. Пусть близится время, когда неизбежная демократизація властно продиктуетъ новыя формы гражданской жизни. Поэзія Бараташвили не затеряется въ нихъ. Кто понимаетъ истинный смыслъ и значеніе грядущей демократіи, тому ясно видна ея благотворная роль въ дѣлѣ призванія къ жизни талантовъ и ихъ воспитанію. Бараташвили занялъ свое мѣсто среди немногихъ людей на памят-

никъ которыхъ духовный гласъ смѣняющихся поколѣній читаетъ: „Не говори—ихъ нѣтъ, но благодарностию—были“...

Пѣсни князя Бараташвили раздаются не только въ Грузіи, но и несутся въ даль суроваго сѣвера. Чѣмъ объяснить такое явленіе, если вспомнить, что талантъ его былъ чуждъ космополитическихъ чертъ? Для уясненія этого факта необходимо вдуматься въ условія происхожденія произведеній свободнаго искусства. Почти всегда великій поэтъ, какъ и великій художникъ, старались не отрывать отъ своей почвы, къ которой всегда возвращаются, когда желаютъ придать своему идеалу больше обаятельности и глубины, между тѣмъ какъ произведенія тѣхъ, которые оторвались отъ родной земли, большею частью лишены этой глубины и обаятельности. Греки и итальянцы явили міру несравненные образцы въ области искусства, благодаря обособленности ихъ небольшихъ городовъ.— Въ нашъ переходный вѣкъ красота загнана, загрязнена. Возвратить, хотя бы на мигъ, красоту эпохи Возрожденія способны лишь Лермонтовы, Бараташвили, Гейне. Но мы не знаемъ, кто грядетъ имъ на смѣну и какъ долго придется ихъ ждать.

Пока же мы здѣсь на могилѣ покойнаго страдальца, будившаго лучшія чувства толпы, отдаемъ ему запоздавшую дань и на забытой могилѣ водружаемъ памятникъ—это скромное, вещественное доказательство проснувшагося вниманія и благодарности грузинскаго общества. Пусть это будетъ для общественной совѣсти корректурой заднимъ числомъ, но... лучше поздно, чѣмъ никогда...

Громкія звучныя пѣсни свои Бараташвили пѣлъ во имя общечеловѣческихъ и національныхъ идеаловъ;— пусть же во имя ихъ и грузины, памятуя путь заповѣдан-

Памятник на могиле грузинского поэта кн. Н. М. Бараташвили, сооруженный в Тбилисти, в ограде Дидубейской церкви, в сентябрь 1905 г. на средства вырученные отъ продажи настоящего томка.

ный талантомъ поэта объединятся еще тѣснѣе въ дружной работѣ на пользу и славу матери Грузіи.

Спи же, поэтъ! Спи, изнемогшій борець.... Ты звалъ человека къ счастью, мягкому, какъ лунный свѣтъ, разливающійся по роднымъ долинамъ Грузіи, безконечному и разнообразному, какъ дѣвическія грезы. Ты облакалъ созданный тобою міръ роскошнымъ, богатымъ и красивымъ уборомъ своей фантазіи, подобно тому, какъ мы ищемъ къ прекрасной картинѣ достойную ея рамку.

Артари-Колумбо.

Сентябрь, 1905 г.

Гиацинтъ и Чужестранецъ *)

(Вольный переводъ изъ стих. Н. М. Браташкина)

Чужестранецъ.

Гиацинтъ, отчего поблѣднѣлъ?
Не такимъ вѣдь вчера ты глядѣлъ!
И не слышу ужъ запаха я,
Что несется въ лучахъ отъ тебя.

Гиацинтъ.

Видишь-ли, я свободы лишень,
Нѣтъ мнѣ родныхъ цвѣтовъ, соловья;
Не висить надо мной небосклонъ.
И не слышенъ мнѣ говоръ ручья.
Вотъ ужъ скоро настанетъ весна,
Но погибель несетъ мнѣ она.

Чужестранецъ.

Позабудь о свободѣ мечту!
Здѣсь все золотомъ яркимъ горить.
Здѣсь лелѣять твою красоту,
И здѣсь холодъ тебя не страшить.

Гиацинтъ.

Но зачѣмъ мнѣ большой этотъ домъ?
Спертымъ воздухомъ вѣетъ кругомъ!
Въ этой душной темницѣ своей
Не могу я листки развернуть.
Не журчить здѣсь прозрачный ручей
И роса не кропитъ мою грудь.
Здѣсь меня не лобзаетъ зефиръ,
Своей тѣнью не кроетъ апръ.

Чужестранецъ.

Но вѣдь въ полѣ давно-объ ты поблѣкъ,
Еслибъ былъ предоставленъ судьбѣ,
Вотъ что сдѣлалъ, люби, человекъ—
Здѣсь морозъ не опасенъ тебѣ.

Гиацинтъ.

Знаю я, что конецъ есть во всемъ;
Но моя вѣдь иная печаль:
Съ этимъ зуднымъ, земнымъ бытiемъ
Мнѣ разстаться безвременно жаль.
Не отъ грусти природѣ зимой,

*) Газ. «Новое Обоз.», 1892 г., № 2822.

А отъ вьюгъ суждено умирать;
Но лишь только повѣтъ весной.
Она блещетъ, сіяетъ опять.
Блескъ вездѣ и вездѣ красота.
И поетъ соловей о любви...
О, съ какимъ бы восторгомъ тогда
Я раскрылъ лепесточки свои!

Чужестранецъ.

Можетъ быть, такъ невѣста моя,
Грусть на вѣки въ душѣ затая,
Ужъ иссохла, исчахла по мнѣ
Отъ тоски на чужой сторонѣ...
Вѣдь ея, какъ тебя, мой цвѣтокъ,
Въ край чужой отъ меня увезли
И, быть можетъ, гнететь ее рокъ
Вдалекѣ отъ родимой земли,
И померкла моя тамъ звѣзда,
Въ безразсвѣтной, угрюмой глуши,
И ужъ я не увижу никогда
Ароматомъ невинной души.

А. Б.

Ночь *).

(Посвящается памяти Николая Бараташевича).

Вчерашній солида лучъ! Тебя ужъ нѣтъ,
Ужъ мракомъ ночь весь горизонтъ закрыла;
Но въ этой тьмѣ яркій дышетъ свѣтъ,
Царить твои живительная сила.

Твоимъ тепломъ напоены юныя сады,
Миллионы звѣздъ твоимъ пылаютъ свѣтомъ,
Журчитъ ручей и зрѣетъ виноградъ
Въ душистомъ воздухѣ, тобой согрѣтомъ.

Здѣсь не могилы мракъ, а тишина!..
Пусть звѣзды скроются за черной тучей,
Пусть будетъ ночь безмолвна и темна,
Но все живеть зарей могучей.

Она придетъ и стонитъ ночи тѣнь!..
И давъ просторъ всемъ сокровеннымъ думамъ,
Наполнитъ воздухъ вновь стозвучнымъ шумомъ
Благословенный день!

26-го Апрѣля 1893 г.

П. Опочининъ.

*) Газ. «Новое Обоз.», 1893 г., № 3209.

Ж. Бараташвили (*)

(1816- 1845)

Рѣдко поэзія даже болѣе культурныхъ странъ, чѣмъ наша, давала такихъ яркихъ представителей, какъ Бараташвили. Онъ былъ не только крупнѣйшій талантъ, но и лучъ свѣта во тьмѣ шаблонныхъ, напыщенныхъ, сентиментальныхъ на персидскій ладъ произведеній поэзіи того времени. Мощный желѣзный стихъ, глубокое, какъ океанъ, горе, горе непонятаго обществомъ борца, самоотверженная любовь къ человѣчеству—все это было такую неслыханной новизной въ грузинской—да и не въ одной грузинской—литературѣ 30 и 40-хъ гг., что легко представить себѣ всю ту горькую чашу, которую испилъ до дна безвременно угасшій поэтъ. Его постоянная борьба съ предрасудками современнаго ему общества, его ядовитыя насмѣшки, его вспышки злобы—прежде всего подкосили его-же самого. Онъ былъ оторванъ отъ общества и погибъ, не доживъ даже до 30 лѣтъ, въ глухомъ городишкѣ, въ которомъ чуть не затерялись послѣдніе слѣды его останковъ.

Вотъ что писалъ поэтъ о себѣ:

Пусть кину край родной, въ душѣ по немъ тоскуя,
И не увижу вновь ни милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣетъ тьму—тамъ родину найду я.
Тамъ звѣздамъ расскажу всѣ тайны чувствъ моихъ...

*) Г. М. Тумановъ.—Характеристики и воспоминанія. Томъ I, изд. 1901 г.

пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не припадетъ въ слезахъ,
Пусть воронъ выклюетъ глаза мои, и, воя,
Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жалкій прахъ,
Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
На встрѣчу смерти самъ, безстрашный, онъ поидетъ,—
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнѣтъ.

Но потомство теперь начинаетъ исправлять ошибки прошлаго, и торжественное перенесеніе въ 1891 году останковъ покойнаго изъ Елисаветполя въ Тифлисъ какъ-бы оживило въ памяти общества обаятельный образъ великаго писателя.

Только въ послѣднее время стали появляться воспоминанія современниковъ о Бараташвили и сборники его стихотвореній и писемъ.

Пользуясь этими матерьялами, попытаюсь здѣсь дать русскимъ читателямъ понятіе о жизни и писательской дѣятельности этого замѣчательнаго грузинскаго поэта.

На первый разъ я беру воспоминанія сверстника поэта ген.-лейт. К. Х. Мамацева, которыя были напечатаны въ 1881 г. въ газ. «Дрозба» и затѣмъ изданы отдѣльной брошюрой

Н. Бараташвили родился 22-го ноября 1816 г. въ Тифлисъ. Его отецъ, кн. Мелитонъ, жилъ съ дѣтства въ этомъ-же городѣ, получилъ приличное для своего времени воспитаніе, знакомъ былъ съ грузинскою литературой и обладалъ хорошимъ даромъ слова. Въ домѣ кн. Мелитона можно было часто встрѣтить лучшихъ представителей грузинскаго общества, изъ которыхъ священникъ Игнатій Юсселиани, отецъ ученаго писателя Платона Юсселиани, состоявшій при дворѣ послѣднихъ грузинскихъ царей, бывалъ здѣсь почти ежедневно; здѣсь же часто можно было видѣть поэта кн. Ал. Чавчавадзе. Самъ Мелитонъ Баратовъ, будучи уважаемъ

въ обществѣ, нѣсколько разъ былъ выбираемъ предводителемъ дворянства тифлисскаго уѣзда.

Мать поэта, урожденная кн. Орбеліани (старшая сестра поэта кн. Григ. Дм. Орбеліани), также была образованной женщиной

Ник. (по прозванію Тато) Бараташвили въ дѣтствѣ слылъ за очень любознательнаго и впечатлительнаго мальчика. Въ 1827 г. онъ былъ отданъ въ Тифлисскій пансіонъ для благородныхъ, впослѣдствіи, въ 1830 г., преобразованный въ гимназію. Авторъ воспоминаній зналъ поэта съ 1828 г., съ третьяго класса, и зналъ, какъ хорошаго ученика, хорошаго товарища, очень веселаго и рѣзваго мальчика. Но черезъ три года К. Х. Мамацевъ оставилъ гимназію и вновь видѣлся съ Н. Бараташвили только въ 1837 г. Въ это время поэтъ состоялъ уже столоначальникомъ палаты Угол. и гражд. суда, куда онъ поступилъ послѣ окончанія курса гимназіи, въ 1835 г. Общественныхъ развлеченій въ то время въ Тифлисъ не существовало, такъ какъ не было ни клубовъ, ни театровъ, и старые товарищи проводили время то въ домѣ Н. Бараташвили, то у кн. Лев. Ив. Меликова, воспитывавшагося въ гимназіи одновременно съ ними. Семейные обѣды, игра въ карты и нарды, прогулки въ лунную ночь по садамъ, которыхъ такъ было много въ то время въ Тифлисъ—вотъ какъ развлекалась тогдашняя молодежь. Но необходимо упомянуть, что темой для бесѣдъ часто служили разныя литературныя и общественныя явленія того времени, а однажды молодые люди (въ ихъ числѣ и Пл. Юсселіани) принялись даже за составленіе исторіи Грузіи. Выполнить эту послѣднюю работу было очень трудно за недостаткомъ матеріаловъ и ее, въ концѣ концовъ, пришлось бросить; тѣмъ не менѣе поэтъ очень серьезно интересовался исторіею

ею Грузіи, особенно XVIII в., и часто вспоминалъ раз-
ные эпизоды.

Н. Бараташвили началъ писать, какъ и всѣ поэты вообще, очень рано. Первые его стихотворенія были написаны въ гимназическіе годы, но многія изъ нихъ утеряны, такъ какъ въ то время печатной литературы почти вовсе не существовало. Авторъ воспоминаній помнитъ, напр., наброски большой поэмы «Иверійцы», въ которой воспѣвалось процвѣтаніе Грузіи въ X—XII вѣкахъ, но этой поэмы, какъ извѣстно, теперь въ «Собраніи сочиненій» поэта нельзя встрѣтить. Болѣе зрѣлымъ произведеніемъ Н. Бараташвили нужно признать другую его историческую поэму — «Судьба Грузіи», которая сохранилась и слишкомъ хорошо извѣстна почитателямъ его таланта.

Въ 1844 г. Н. Бараташвили былъ назначенъ помощникомъ нахичеванскаго уѣзднаго начальника (уѣздомъ временно управлялъ въ то время кн. Лев. Ив. Меликовъ), но вскорѣ, въ 1845 году, переведенъ былъ на ту-же должность въ Елисаветполь. Туда Бараташвили совсѣмъ не тянуло, но семейныя обстоятельства такъ измѣнились, что онъ не могъ отказаться отъ предложенной ему должности. Отецъ его въ старости впалъ въ бѣдность (имѣнія его были проданы) и не только не могъ оказывать сыну никакой денежной помощи, но самъ нуждался въ его поддержкѣ.

Во время постоянныхъ разъѣздовъ и усиленныхъ служебныхъ занятій, лѣтомъ, въ 1845 г., Н. Бараташвили заболѣлъ мѣстной злокачественной лихорадкой и въ октябрѣ того-же года скончался.

Могила покойнаго была съ тѣхъ поръ заброшена и совсѣмъ забыта, пока въ 1891 г. не стало упраздняться вовсе то кладбище, на которомъ покоился прахъ поэта. Только тогда мѣстная печать вспомнила о за-

бытой могилѣ и подняла вопросъ о перенесеніи его въ Тифлисъ. Но какъ было найти могилу? Плита съ надписью была снята съ могилы давно и хранилась въ церкви. Только по могилѣ брата поэта, похороненнаго также въ Елисаветполѣ (1825 г.), удалось добраться до останковъ поэта. Уцѣлѣли отъ разрушительнаго вліянія времени, кромѣ костей, только пуговицы отъ мундира и одинъ сапогъ, который, однако, при первомъ прикосновеніи къ нему, обратился въ прахъ. Здѣсь же воспользуюсь тѣми письмами и воспоминаніями современниковъ поэта, которыя помѣщены въ статьяхъ г. Меунаргія въ газ. «Иверія» за 1893 г. Г. Меунаргія пользовался главнымъ образомъ архивомъ дяди Н. Бараташвили, также извѣстнаго поэта кн. Гр. Дм. Орбеліани, и воспоминаніями школьнаго товарища Бараташвили, кн. Лев. Ив. Меликова. Матеріаль, даваемый г. Меунаргія, не богатъ, но, повидимому, благонадеженъ.

Пищущему эти строки приходилось слышать рассказы о Бараташвили отъ своего отца и школьнаго товарища поэта, кн. Мих. Биртв. Туманова, и эти рассказы совпадаютъ съ данными, заключающимися въ упомянутыхъ статьяхъ.

Нравственный образъ Бараташвили прежде всего поражаетъ всякаго своимъ сходствомъ съ общимъ типомъ людей 30-хъ гг. Тотъ-же избытокъ духовныхъ силъ и то-же разочарованіе въ жизни, байронизмъ въ поэзіи и дѣйствительности, могучіе порывы къ общественной дѣятельности, и въ результатъ только бѣшеная погоня за свѣтскою мишурой. Печорины и Лермонтовы шли на военную службу, привлекавшую ихъ своими приключеніями и треволненіями, и Н. Бараташвили также страстно желалъ той-же дѣятельности. Но этого желанія поэтъ не могъ выполнить только потому, что въ дѣтствѣ сломалъ себѣ ногу и

въ его положеніи онъ могъ попасть развѣ только въ „инвалидную команду“. Простившись съ мечтами о военной службѣ, поэтъ задумалъ докончить свое образованіе въ университетѣ, но и это, къ несчастью, ему не удалось. Отецъ былъ стѣсненъ въ матеріальномъ отношеніи, и не было средствъ на продолженіе образованія. Поэтъ поступилъ въ экспедицію палаты Гражданскаго и уголовного суда, затѣмъ перевелся въ уѣздную администрацію.

Ни канцелярія, ни полицейская служба, конечно, поэта не могли удовлетворить и онъ страстно желалъ слиться съ обществомъ и жить одною съ нимъ жизнью. Онъ вертѣлся въ разнообразныхъ кружкахъ и вездѣ являлся душой общества. Онъ прекрасно игралъ на туземныхъ инструментахъ (чонгури, тари), плясалъ лезгинку, дулся въ карты, острилъ безъ конца, сочинялъ эпиграммы, посвященія и проч. Остроты Н. Бараташвили, какъ и Лермонтова, разъ довели его даже до дуэли, съ роднымъ дядею, Ил. Орбелиани. Дуэль эта, впрочемъ, кончилась совершенными пустяками: холостыми выстрѣлами и комическими сценами. Такъ-же благополучно кончилось столкновеніе поэта съ извѣстнымъ Плат. Юсселиани, котораго онъ обозвалъ богословомъ (богъ ословъ).

Въ пьесѣ Г. Эристова „Помѣшанная“ („შეშლილი“), въ послѣдней сценѣ, представляющей игру въ лото и разговоры о разныхъ городскихъ происшествіяхъ, забѣгаетъ молодой человѣкъ-живчикъ, который и рассказываетъ самую послѣднюю, самую сенсационную новость. О немъ отзываются дамы: აკერ, მოვიდა ჩვენს მკობრე („вотъ пришелъ нашъ сплетникъ“).

Въ этомъ живчикѣ, прозванномъ дамами сплетникомъ, авторъ выставляетъ покойнаго Бараташвили.

Но удивительное дѣло! Этотъ весельчакъ, зани-

мающій своими шутками самое разнообразное общество, умѣть глубоко грустить, проклинать міръ; мало того, умѣть, своими могучими стихами, погрузить читателя въ самое мрачное настроеніе. Его поэзія — это великолѣпный, божественно гармоничный, но тѣмъ не менѣе погребальный гимнъ.

Но въ Бараташвили сидѣло не два, а три чело-
вѣка. Онъ одновременно былъ не только весельчакъ,
отчаянный мизантропъ, но и дѣловитый чиновникъ.
Позенъ, ревизовавшій гражданскія учрежденія въ Тиф-
лисѣ въ 30-хъ гг., былъ въ восторгѣ отъ занятій
Бараташвили и аттестовалъ его предъ военнымъ ми-
нистромъ самымъ лестнымъ образомъ. Предсѣдатель
палаты гражд. и угол. суда, гдѣ служилъ поэтъ, какъ
то разъ заподозрилъ въ немъ нерадивость, въ виду
его частыхъ отлучекъ изъ канцеляріи. Поэтому слу-
чаю предсѣдатель обревизовалъ своего чиновника-не-
посѣду и, къ крайнему своему удивленію, все нашелъ
у него въ исправности. Ничего не оставалось, какъ
замѣтить: „Въ такомъ случаѣ продолжайте бѣгать
сколько вашей душѣ угодно».

Изъ всего сказаннаго можно вывести только од-
но. Бараташвили былъ богато одаренъ отъ природы
даромъ слова, поэтическимъ огнемъ, трудолюбіемъ,
чуткою ко всякой неправдѣ душой, и, не находя пра-
вильнаго исхода для всѣхъ этихъ выдающихся способ-
ностей, мѣнялся на мелочи, отчего страдалъ, и его
стоны отдавались въ его чудныхъ стихахъ, какъ стонъ
глубоко изболѣвшей отъ неправды души.

Литература о кн. Н. М. Бараташвили (*).

- Газета „Обзоръ“ 1876 г. Воспоминаніе Р. Эрнстова о Бараташвили. ✓
- Газета „Тифлисскай Вѣстникъ“ 1876 г., № 2. Статья Николадзе; разборъ брошюры о Бараташвили.
- Въ груз. журналахъ: „Цискари“, „Грузин. Вѣст.“, „Миатоби“, „Кребули“, помѣщены мелкія стихотворенія Бараташвили.
- „Новое Обзорѣніе“: 1890 г., № 2266.   } Стихотворенія
                                  1891 г. № 2677, 2691, 2651, 2557.   } и замѣтки о
                                  1893 г. № 3207, 3209, 3213.   } Бараташвили.
                                  1896 г. № 4406.
- Груз. газ. „Иверія“: 1891 г. № 192, 193. А. И. о Н. М. Бараташвили.
- 1889 г. № 247, 249, 250, 251. — М. Везирашвили. Н. Бараташвили.
- 1893 г. № 85—103. Меунаргія. Жизнь и поэзія кн. Н. М. Бараташвили.
- Груз. журналъ „Моамба“ 1894 г. № 2-7. Литературныя замѣтки о кн. Н. М. Бараташвили. ✓
- Груз. журн. „Квали“ 1893 г. №№ 3, 7, 10, 11, 19.   } Разныя статьи
                                  1894 г. № 42.   } о Бараташвили.
- „Русская Мысль“ 1889 г. № 10. Статья А. Хаханова о кн. Н. М. Бараташвили.
- Жур. „Кавказскій Вѣстникъ“ 1900 г. № 6. Стихотвореніе
- Груз. поэты въ образцахъ—Тхоржевскіе. (Иванъ-да-Марья). изд. 1897 г.
- Характеристики и воспоминаній—кн. Г. Тумановъ, томъ I, изд. 1901 г.
- Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, I-й доп. полутомъ. Н. Бараташвили—брошюра на грузинскомъ языкѣ, изд. 1893 г.
- Тоже, изд. 1895 г.
- Тоже, изд. 1904 г.
- Стихотворенія Бараташвили, на груз. языкѣ, изд. 1875 г.
- „Жизнь замѣчательныхъ людей Грузинъ“—Баратовскій томикъ, изд. 1905 г.

*) Книгоиздательству „Кавказовѣдніе“ пока удалось разыскать только приведенную выше литературу о кн. Н. М. Бараташвили, но современемъ, при помощи общества, надо полагать литература о поэтѣ будетъ значительнѣ пополнена. Редакція особенно интересуется личной перепиской поэта съ разными лицами и воспоминаніями о его жизни. За всякое сообщеніе редакція „Кавказовѣднія“ будетъ благодарна и все матеріалы по напечатанію будутъ возвращены по принадлежности въ полной сохранности.

Опечатки:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
3	4 сверху	Поматуй это редакція,	Паматуй это, редакція
—	6 снизу	таковыми	таковые
12	6 —	позволяль	позволилъ
14	18 сверху	ея	его
17	14 снизу	неренективной	переспективой:
34	2 сверху	захлохнеть	заглохнеть
38	7 снизу	ченгури	чонгури
54	14 сверху	братъ	братъ
55	6 —	журналы	журналы:
—	11 —	стихотвореній	стихотвореній:
—	8 снизу	in-16°	in-16°
61	6 —	отдѣлкъ	отдѣлкой
63	9 сверху	божескими	Божескими

Кн. Н. М. Бараташвили скончался 9-го октября 1845 года, а потому 60 лѣтіе со дня смерти его наступаетъ 9-го октября с./г., а не въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ, по ошибкѣ, упоминается въ настоящемъ томикѣ.

ОТЧЕТЪ

по изданію настоящаго томика.

Получено авансомъ отъ Я. К. Зубалашвили на изда-
нія серіи книгъ подъ заглавіемъ: „Жизнь замѣча-
тельныхъ людей Грузіи“ . . . . . 500 р. — к.

Расходъ:

1) Уплачено автору г. Артари-Колумбо за 2 статьи	92 р. — к.
2) Уплачено авторомъ за 7, не бывшихъ еще въ печати, стихотвореній	24 „ 70 „
3) За корректуру	12 „ — „
4) За сборъ матеріаловъ для томика	50 „ — „
5) За переписку матеріаловъ для печати	28 „ — „
6) За наборъ и печатаніе томика	72 „ — „
7) За бумагу и брошюровку	62 „ 30 „
8) За клише	16 „ — „
Итого	
	357 р. — к.

Остается отъ аванса . . . . . 143 „ — „

Остатокъ этотъ предназначается на изданіе № 2
выпуска изъ этой-же серіи книгъ.

Баратовскій томикъ отпечатанъ въ количествѣ
1200 экз. Вся сумма отъ продажи изданія предназна-
чается на уплату за памятникъ, національному поэту
Грузіи кн. Н. М. Бараташвили, изготовленному въ мас-
терской Вилло и Риччи и обошедшемуся въ суммѣ
425 рублей, каковыя деньги редакціей „Кавказовѣдніе“
уже уплачены изъ своихъ средствъ.

10-го Сентября 1905 г.
г. Тифльсъ.

Б. С. Эсадзе.

Книгоиздательство „Кавказовѣдѣніе“.

При редакціи газеты „Кавказскій Край“ организовано книгоиздательство „Кавказовѣдѣніе“, поставившее себѣ цѣлью изданіе серій книгъ, посвященныхъ изученію Кавказа въ историческомъ, этнографическомъ, литературномъ, социально-экономическомъ, бытовомъ и др. отношеніяхъ.

С Е Р І Я:

„Жизнь замѣчательныхъ людей Грузин“.

Выпускъ № 1-й.

БАРАТОВСКІЙ ТОМИКЪ.

Кратко-біографическій очеркъ съ прилагательнымъ портретомъ и избранными стихотвореніями грузинскаго поэта кн. П. М. Бараташвили.

Весь сборъ предназначается на сооруженіе монументальнаго памятника національному поэту Грузин по случаю предстоящаго 60-ти лѣтій со дня его смерти.

Слѣдующій 2-й выпускъ изъ серіи: „ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ“—И. Нягровва (Нягровили).

Все наданіе поступить въ распоряженіе Общества распространенія грамотности (между грузинъ: Дворцова, д. грузинск. дворян., куда и просить обращаться съ требованіями).

Слѣдующая серія: „Грузія“. Выпускъ № 1-й „Гурія и Гурійцы“.

Слѣдующій 2-й выпускъ изъ серіи: „ГРУЗИЯ“—„Мягрелія и Мягрельцы“—3-й выпускъ „Адварія и Адварцы“.

Судет. 49

Министерство иностранных дел Грузии

საგარეო საქმეთა სამსახური

საგარეო საქმეთა სამსახური

საგარეო საქმეთა სამსახური

Цѣна 50 коп.

Весь сборъ предназначенъ на сооруженіе
намогильнаго памятника національному поэту
Грузіи Кн. Н. М. Бараташвили.

Съ требованіями просятъ обращаться:

Тифлисъ. Въ Общ. Распр. Грам. среди грузинъ. Дворцовая,
домъ Грузинскаго Дворянства.